

СМЕНА

21

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Московские миллиарды

В тысяче самых разнообразных дел и явлений определяется с каждым днём наступающая и крепнущая сила нашей советской молодёжи. Вчера она была видна в том, как молодёжь защищала свою страну. Сегодня мы её видим в самоотверженном труде молодёжи на пользу Родины.

В конце августа этого года руководители 35 крупнейших предприятий столицы обратились с письмом к товарищу Сталину. В этом письме коллективы 35 предприятий обещали до конца текущего года дать 172 миллиона сверхплановых накоплений. Этот почин был единодушно подхвачен рабочими Москвы и Московской области. И уже через несколько дней вся страна узнала: промышленность столицы даст 2 миллиарда рублей сверхплановых накоплений! Чтобы нагляднее представить, что скрывается за этой цифрой, приведём две другие: в первом полугодии 1948 года вся промышленность страны дала полтора миллиарда рублей сверхплановых накоплений; стоимость крупнейшей в Европе гидроэлектростанции — Днепровской — составляет 278 миллионов рублей.

Молодые москвичи с особым подъёмом включились в это патристическое начинание. Они готовились торжественно отметить юбилей комсомола и 31-ю годовщину Октября. В честь этих двух праздников они объявили трудовую охоту, на которую встало 500 тысяч юношей и девушек.

И уже к середине октября более 200 тысяч молодых рабочих Москвы и области выполнили свои годовые нормы. В счёт двух миллиардов столичной молодёжи внесла свою посильную лепту: сотни миллионов рублей.

...У входа в литейный цех серого чугуна Автозавода имени Сталина висит обязательство комсомольско-молодёжного бригады Александры Беловой. Последний пункт этого обязательства гласит: «В дни предпраздничной вахты снизить расход: карбаса — с 15 до 12 килограммов; керосина — с 3 и 3 литр; крепежа — с 15 до 12 литр; анодана — с 5 до 3 килограммов».

Полтора миллиона сверхплановой прибыли обязался дать коллектив завода «Красный пролетарий». В изобретательский фонд завода молодые рабочие внесли более ста рационализаторских предложений.

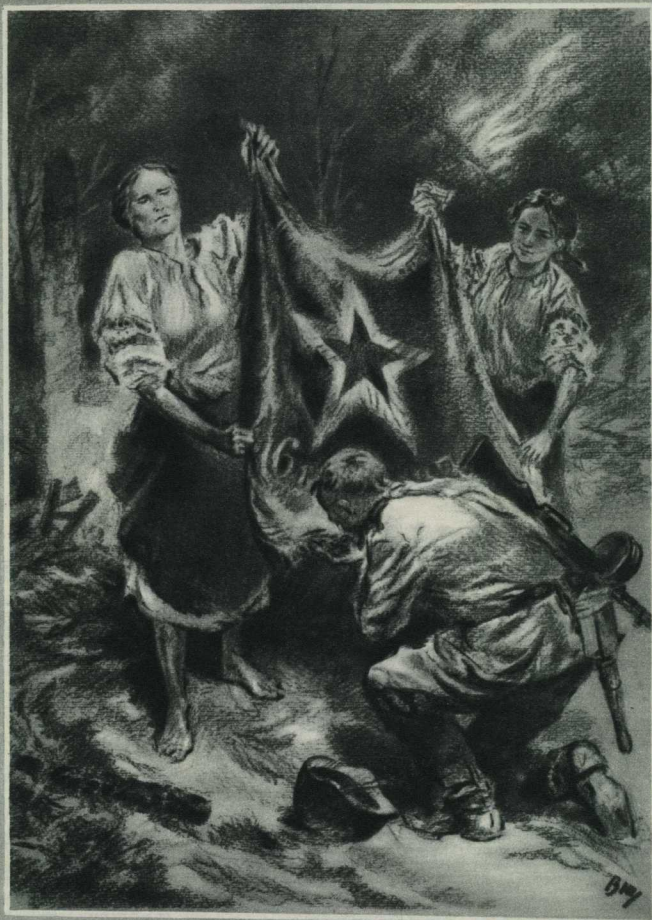
Таким примерам нет числа, и все они говорят об одном: у молодых рабочих и работников по-настоящему загорелась хозяйственная жила.

«Мы должны быть собственниками гораздо более, чем любой капиталист, — говорил Сергей Миронович Киров. — Каждую гайку, каждое звёнышко нашего дела надо беречь, надо хлестать самым настоящим образом, потому что это наше, рабочее, трудовое, это завоевано нами».

Молодёжь Москвы, а по её примеру и молодёжь всего Советского Союза в походе за экономно и бережливостью, за сверхплановыми накоплениями учится рассматривать каждую минуту времени, каждый грамм сырья с точки зрения общих масштабов производства, с точки зрения приближения срока выполнения пятилетнего плана.

На снимке: сверху — лучшая комсомольско-молодёжная бригада токарей завода «Шаркоподшипник». Бригадир — Г. Азарин. В центре (слева направо): слесари-комсомольцы завода «Платиноприбор» Г. Ратов и В. Генералов за сборкой лабораторных печей; контролёр прессового цеха Люберецкого завода пластических масс О. Поддаринова принимает готовую продукцию; бригадир лучшей бригады Московского завода электромашин «АТЭ-1» И. Логинава проверяет работу члена своей бригады О. Сосновской. Внизу (слева направо): станочница швейной фабрики № 3 Е. Мурьялевская; рабочие завода «Динамо» Е. Арсентьев и Н. Вершинский, перевыполнившие годовой план более чем в два раза.

Фото Г. Борисова
и Фотохроника ТАСС

НА ВЕРНОСТЬ РОДИНЕ

Из иллюстраций художника В. Щеглова к
книжке Б. Полежаева «Мы — советские люди».

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Ноябрь. № 21. 1948 год.

Год
издания
25-й

ВЫСТРЕЛ С «АВРОРЫ»

Авророй	у древних звалась заря;	что новый строй	на земле рождался
и вот	корабль	и новый	в мир
стал	с таким же названием	пришёл человек.	
молодого	зарёй Октября	И в мире	светлей и радостней стало,
на утре	нашего существования.	и люди воскликнули:	«Здравствуй!»—
Он видится нам,	как вспышка рассвета,	когда	над Навою прогрохотала
он покинута нам	на фоне тех лет,	шестидесятилетняя	авророва.
как	к небу взрывающаяся ракета,	И каждый год,	когда осень срывает
с которой	и начался	листки	с деревьев
	первый рассвет...		и с календаря,
Тот выстрел,	который тогда раздался,	сняв в памяти,	возникает
прозвонит	сквозь времена бер,	«Аврора» —	нашего утра зарю!

КРАСНЫЕ ВЫМПЕЛЫ

3. ДОКТОРЫ

Недавно мне случилось побывать на Кировском заводе в Ленинграде. Я попал туда в примечательный день: молодые сталевары и комсомольско-молодежные бригады, знавшие веренство в соревновании в честь 30-летия комсомола, получали красные вымпелы — знак трудовой доблести, учреждённый и присуждаемый ежемесячно заводским комитетом комсомола.

В послеобеденный час, по установившейся традиции, в цехе собрались свободные от работы молодые сталевары. Чествовать победителей пришлось много старых рабочих. Эта торжественная встреча, как и usual потом, почти ничем не отличалась от других подобных встреч. Это был просто разговор по душам между старым и новым поколениями путиловцев. Молодой воспитанник ремесленного училища, только что начавший свой трудовой путь в соседней, отдалённой заводу не один десяток лет, говорил друг с другом с свободным интересом. Начиная хотел больше узнать о своём заводе, о том, что ждёт его впереди; ветеран с гордостью рассказывал о пережитом, вспоминая всё, что составляет славу его завода, его собственную славу.

Ожидание начала официального торжества, когда комсорг прочтёт решение комитета, называющего имена лучших и вручит им вымпелы победителей, не казалось томительным. Рабочие, разбившись на небольшие группы, вели непринуждённый разговор.

Тесным полукругом обступила молодёжь ветерана завода коммуниста Василия Васильевича Васильева. Старому путиловцу было о чём рассказать. Он помнил ещё детское школьное время, дубину мастера и грозные заработки. Потом прогремели радостные дни Октября, штурм Зимнего. Хорошо помнит Васильев кипучую работу по организации первых союзов рабочих моделями под руководством товарища пущинских мастеров, молодого большевика Висла Алексея, красногвардейские атаки против врагов революции...

— Помните всегда, — говорил Василий Васильевич: — корень ваш тут, на этом заводе, здесь началась жизнь ваша. Дорожите этим и гордитесь своим заводом. И никогда не забывайте, что к нам, за Нарвскую заставу, приехали Ленин и Сталин. Они нам путь к новой жизни указали. Их посланцы всегда бывали у нас на заводе. Михаил Иванович Калинин работал в нашем цехе. Бывал у нас и Сергей Миронович Киров. Он попорту разговаривал с рабочими и учил, как надо жить. В дни радости и в дни великой беды мы всегда видели на заводе Андрея Александровича Жданова. Путиловцы, говорил он, ещё ни разу не подводили и не подведут. И это правда. За это нам высокая награда была. Три ордена дали. Великая в этом честь!

Все стоявшие возле Василия Васильевича не сводили с него своих взоров. Смогут ли они что-либо прибавить к славе, заслуженной которой они являются теперь? Этот вопрос, испарившись, задавал себе не один из присутствовавших здесь молодых рабочих.

Через некоторое время я подошёл к другой группе. Тут я услышал имя Натя Колтяиной. Какую-то девушку горячо доказывала своим полужуркам, что нормы можно перевыполнить с первых же дней, — надо только захотеть, — и при этом ссылалась на пример Колтяиной.

Ната Колтяина, как выяснил и позднее, работает сейчас в отделе главного механика и одновременно готовит дипломный проект на звание конструктора. Её тема — «Проектировка лебедки для трельничного трактора». У Натя короткая, но яркая биография. На завод пришла она в грозные дни блокады. Её поставили на подготовку состава для формовочных работ. Работа трудная, требующая физической силы и спорности. Натя недолго шла по этому пути.

Но зато у неё в избытке была сила и любовь, и это решило успех. Десять лет спустя. Вскоре её назначили бригадиром. Работать приходилось много — столько, сколько требовал осажде-

ный врагом Ленинград. По вечерам вся бригада по главе со своим бригадиром несла дежурство на крышах.

Большое горе постигло бригаду Натя Колтяиной. Одним из время сильного артиллерийского обстрела завода погибла Аня Барышева и Елиза Баранова и тяжело были ранены Сима Морозова и Женя Алексеева.

На другой день до начала работы Ната Колтяина обратилась к своей бригаде с прочувствованными словами: — Дорогие девушки, с нами нет наших полург. Пославшись, что мы отомстим за них и стохановским трудом поможем отстоять наш родной город!..

В этот день бригада Натя Колтяиной, несмотря на то что потеряла лучших работниц, выполняла полторы сменных нормы, а ещё через день — уже две нормы. На заводских стенах появились яркие плакаты с призывом: «Мстите проклятым фашистским извергам, как наши славные патриотки бригады Натя Колтяиной!»

Их стали называть на заводе «бригадой мстителей». Эта бригада регулярно выработывала не меньше трёх норм, а в отдельные дни — даже четыре. Слава «мстителей» разнеслась далеко за пределы завода, дошла до фронта, и оттуда девушкам слали письма бойцы и благодарили за помощь.

И по сей день на заводе с гордостью вспоминают работу молодых патриоток.

...Мое внимание привлекла всунувчатый гавен с клоком непокорных волос, выбивающихся из-под промисленной шапочки, который с пристрастием допытывал сверстника:

— Виктор Кожанов ты знаешь? — Это тот, который девять годовых норм выработал? Как не знать, его все знают.

— А ещё что знаешь о нём? — сощурив глаза, испуганно допрашивал перебеже.

— Больше — это знать, и так много. — Нет, это ещё — не всё, — и он, приблизившись к своему собеседнику, начал доверительно

Обладатель вымпела—бригада Николая Цабунина. Слева направо: комсорг цеха Люся Мацкевич, Люба Манцеева, Женя Николаева, Николай Цабунин, Фото Г. Лугового

рассказывать: — Дядя Вася мне сказал, что отец Виктора и его дед шли войну здесь, на заводе, проработали. И тут же, прямо возле станков, все трое и умерли. А Виктора не было с ними. Отец его на Урал послал, на наш завод, и наказ дал, чтобы он там и остался навсегда. А он не выдержал и после войны вернулся опять к нам. Мастер ему и говорит: «Выбирай, Виктор, на каком станке будешь работать: на отковском или на длинных?» А Виктор ему в ответ: «За всех буду работать». И здорово получилось. На семь лет мне с тобой переиграл — не шутка! Нам бы так с тобой, Колэл!

Наверное, ещё не один подобный рассказ я мог бы услышать, но голос комсорга возвестил о начале собрания, хотя по-настоящему оно уже давно шло. Комсорг зачитал решение комитета: присудить вымпел победителей бригады слесарей Николая Цабунина, Галины Давыловой и Николая Гусева и бригаде токарей Михаила Антонова. В индивидуальном соревновании первенство одержали слесари Владимир Милынин, Михаил Забелин и Семён Гуревич, токарь Николай Омельченко, обрубщик Григорий Шамгин, полировщик Евгения Фролова и резальщик Иван Ковальченко. Им также были присуждены вымпелы заводского комитета комсомола и тут же вручены.

...Уже вечером, когда мы покинули помещение и отправились по пешам, чтобы встретиться с победителями и «поблагодарить» в их рабочей обстановке.

На несколько квадратных километров раскинулись цехи завода-гиганта. Заводский двор освобожден от мусора и хлама, чистые дорожки, зелен, стены зданий сверкают чистотой. Будто и не было ни войны, ни блокады. И только оставшиеся кое-где железобетонные доты, эти реликвии военной поры, да каменный обелиск, поставленный посреди засаженого деревьями сквера, с надписью: «Здесь в 1941—1944 гг. проходила вторая линия обороны Ленинградского фронта», — напоминали о недавнем грядлом и героическом времени.

К новым делам зовут развинченные повсюду плашки и трапециевиды: «Лиди в срок стране новые треблочные тракторы», «Рваньтесь по бригаде Михаила Цабунина, вырабатывай две

сменным нормам за месяц!», «Героям новой сталинской пятилетки, ставшим Виктору Кожанову, Николаю Цабунину, Евгению Савичу слава!»

В цехе штампов и приспособлений мы встретились с фрезеровщиком-скоростником Александром Николаевым. До начала смены оставалось ещё добрых два часа, но Александр Николаев был уже на месте. Склонившись над станком, он объяснил своему ученику и смешицу Виктору Прирвичскому какую-то допущенную им ошибку и давал указания, как лучше запускать резец.

Мы попросили Николаева рассказать о своей работе. В ответ он указал на токаря Николая Гусева, на станке которого ален конический вымпел, и посоветовал обратиться к нему.

— Он работает лучше, чем я, — сказал Николаев. — У него вы узнаете больше интересного.

— А вам разве не о чем рассказывать? — Да почти что и ничего, — подтвердил Николаев. — А если непременно хотите, то давайте уж лучше расскажу я вам о Евгении Савиче, моём учителе. На моём станке, — начал он свой рассказ, — раньше работал Савич, лучший фрезеровщик завода. Станок не ахти какой. Есть станик и посложнее и поновее. Но такого знаменитого другого нет, таким его сделал Савич.

Николаев с увлечением говорил о своём станке, о приёмах скоростной фрезеровки, которую научил его Евгений Савич.

Сейчас Евгений Савич работает уже в сёд седьмого года, а его ученик и смешиц Александр Николаев выполнял свой пятилетний план. — При входе в механический цех висит огромный плакат, повествующий об успехах молодежной бригады зуборезов Василия Цапильского. Свой головной план бригада выполняла и июлю и обмялась к концу года удвоить выработку. Самые молодые из членов этой бригады, Михаил Цабунин и 15-летний Саша Чернов, работают на четырёх станках каждый.

— В нашем цехе, — говорила комсорг Люся Мацкевич, — комсомольцы и молодежь достойно встретили тридцатилетие комсомола. Много молодых стажёвчов выполняло свой пятилет-

ний план. В цехе нет ни одного молодого работника, не выполняющего нормы. К июлю половина молодых рабочих дала полтора и две годовых нормы.

За этими сухими словами кроются большие дела молодёжи, которая помогла в короткие сроки поднять цех из развалин, освоить сложное оборудование и сейчас даёт продукцию в размерах, намного превышающих довоенные. Наш маршрут близился к концу. Мы подошли к уникальному токарному станку. Возле него стоял алышник, коренастый человек. Мы уже знали, что это завзятый алышник, не раз избивавший на высочайшие вершины Памира, преодолевавший неиможенные перевалы Кавказа, заслуживший мастер спорта Евгений Белецкий. Но не только этим славен Белецкий: одним из первых на заводе он завершил выполнение своего пятилетнего плана.

Евгений Белецкий только медленно возвращался из удачи Адер-Су.

— Передаю мой, — говорит он, — был поставлена задача: подготовить группу заводских альпинистов на третий спортивный разряд. Для этого требовалось взять четыре вершины и преодолеть три перевала. Моя группа, в которую входили комсомольцы Виктор Саладин, Андрей Ефимов, Юрий Иванов и Марат Сулей, взяла девять вершин и шесть перевалов, среди них такие трудные, как Керш, Тот, Дальнеосточный. Это восхождение, — сказал в заключение Евгений Белецкий, — мы поставили тридцатой годовищине комсомола.

Распрощавшись с прославленным спортсменом и ставшим, мы поехали в тракторный цех. Ещё несколько месяцев назад здесь были только горы битого кирпича и развороченных станков. Теперь в просторном и светлом здании, заполненном первоклассными станками, кипела большая творческая работа. В этом замечательном молодежном коллективе, начиная от начальника цеха и кончая рядовым рабочим, все жила мыслью о том ближайшем будущем, когда с главного конвейера цеха, этой жизненной артерии завода, непрерывным потоком начнут скатываться треблочные тракторы, и каждый сможет тогда сказать: «Тобэ, любящим являюсь, для славы твоей и могущества!»

В ЦК ПРИШЛА ТЕЛЕГРАММА...

Несколько дней мне довелось провести в архиве Центрального комитета комсомола в Белоруссии. Переда мной лежали папки с документами комсомольского подполья — донесения о диверсиях, протоколы тайных молодежных собраний, докладные записки инструкторов ЦК, находившихся в то время на незаконном положении, их личные письма и дневники. В этих документах можно было встретить фамилии людей, ставших теперь известными республике; многие герои комсомольского подполья стали героями послевоенного строительства.

Архив находился в здании ЦК, жившего в эти предразличные дни особенно полнокровно и напряженно. Обширные документы, где каждая строчка была в такой же степени романтической, сколько и героической, придавало всему, что сегодня происходило в ЦК, особую значимость. Теперь все будничные комсомольские дела представлялись в новом и более ярком свете.

Как-то вечером, перелистывая папку архивных документов, я нашел боевое донесение Виленского подпольного обкома комсомола за подписью Героя Советского Союза Петра Машерова. Оно меня заинтересовало, и я двинулся перечитать документ. В донесении говорилось:

«Докшицкий райком ЛКСМБ с помощью подпольных организаций подготовил операцию по разгрому полустанка Порлише, имеющего стратегическое значение. При участии подпольщика полустанок разгромлен. Его гарнизон полностью уничтожен. Взяты трофеи: пулемет, миномет, мины, 18 винтовок и боеприпасы. Просим срочно направить нам комсомольских работников, литературу, тош, мины. Машерова».

С этой запиской я направился в кабинет Машерова, который сейчас работает первым секретарем ЦК ЛКСМБ. У него происходило короткое совещание с артистами: речь шла о репертуаре театра имени Ленинского комсомола в связи с предстоящим юбилеем. Когда совещание закончилось, я показал Машерову его старое боевое донесение. Он прочитал записку и восторженно. Встал из-за стола и как-то очень тепло и значительно сказал:

— Докшины...

Очевидно, это слово говорило ему о многом. — Докшины, — повторил он. — О, это была очень важная операция. Где теперь Сергей Васильевич — смеется диверсант? Он тогда был водонепроницаемым и организатором этого боя.

Машеров попросил помощника вызвать по телефону Докшину. Через несколько минут у аппарата в Докшинах был уже секретарь райкома комсомола.

— Здравствуйте, — сказал Машеров. — Полустанок Порлише восстановили?

— Полностью, — услышал он в ответ.

— Где Сергей Васильевич?

— Сергей, как и во войны, работает на железнодорожном узле в Крулевщизне. Часто бывает у нас.

— Увидите — передайте от меня привет.

Затем разговор завел о семьях фронтовиков и погибших воинов. Машеров рекомендовал райкому подумать о том, чтобы построить для них новые дома, — ведь пока еще не все семьи партизан живут в новых, хороших домах.

Разговор по телефону был закончен. Мне хотелось рассказать Машерова подробнее о судьбе его боевых друзей, но в этот момент принесли телеграмму из Гомеля. Машеров, очевидно, ждал ее, потому что тотчас попросил к себе секретаря и членов бюро ЦК.

Все эти дни в Центральном комитете приходило много телеграмм, рапортов, протоколов, решений. Но только в связи с получением гомельской телеграммы созывалось срочное заседание бюро ЦК. Я прочитал телеграмму и понял, чем это было вызвано. Комсомольцы Гомельского сельского района брали на себя обязательство — к юбилею комсомола построить своими силами 122 дома для семей погибших воинов. Они обратились ко всей молодежи республики с призывом поддержать их инициативу.

Бюро ЦК обсуждало эту телеграмму. — Для нашей республики сейчас самое главное — строительство, — сказал Машеров. — Именно поэтому почти гомельских комсомольцев нам следует одобрить. Если их призыв подхватит молодежь всех областей и районов республики, мы к юбилею построим тысячи новых домов. Это будет хороший подарок: во всей республике в дни юбилей партизаны будут справлять юбилеи. Лес и другие строительные материалы у нас есть. По-моему, почти гомельщина надо одобрить.

Бюро ЦК приняло это предложение. Было решено по всей Белоруссии провести ударный месячник строительства жилых домов и для этого объявить соревнование в честь 30-летия комсомола. Общом и райкомом предлагалось создать бригады строителей, позаботиться о том, чтобы они были обеспечены всеми материалами, необходимыми для строительства. Тогда же бюро ЦК разработало и условия соревнования: цель его заключалась не только в том, чтобы ни одной партизанской семьи не осталось больше в землянке, но и в том, чтобы учесть постройки новых домов тысячи молодых рабочих и колхозников. Взагоднее и патристическое дело должно было привлечь в комсомол новых юношей и девушек.

На следующий день обращение гомельских комсомольцев и решение бюро ЦК о проведении ударного месячника были опубликованы в белорусских газетах. Его обсуждали тысячи молодых людей в Минске и Барановичах, в Жлобине и Гродно — во всех городах и селах Белоруссии. Поселки начали создаваться бригады строителей. Поселку отдала рабочей и крестьянской молодежи обком, райком и горком превращались в штабы по проведению ударного строительства.

Марк ЛИСАНСКИЙ

УТРО

К нам урожай идёт в дома,
Степь на его вёрст простора.
И наполяют закрома
Мичуринские зёрна.

День, два —
И осень тут как тут,
Густеет тень ночная...
Одни окончила институт,
Другой лишь начинает.

Каждый день ЦК получал донесения, в которых говорилось о том, что молодежь с энтузиазмом включается в месячник, и сообщалось, сколько именно новых жилых домов будет построено в том или ином районе. Пришло тогда донесение и из Докшина, как и в многих других малых городах Белоруссии. Работники ЦК подсчитали, что по республике начинается строительство двадцати трех тысяч новых жилых домов.

Становилось ясным, что обращение гомельчан вызвало отклик в самых широких слоях белорусской молодежи, что это дело приобретает государственный размах.

В первые дни ударного месячника мне привлекло проехать по селам Белоруссии. Постройка новых домов велась быстрыми темпами. Не тысячи, а сотни тысяч юношей и девушек после работы в поле или на заводе, после занятий в школе приходили на строительные площадки со своими кирками, лопатками, долами. Да, именно со своими, потому что теперь эти инструменты есть почти в каждой белорусской семье, ибо народ Белоруссии, бывший в дни оккупации японцами, сейчас стал строителем.

В деревне Сенницы, где находится один из самых богатых колхозов Минской области, мы встретили на стройке двух жилых домов сорок молодых колхозников. Каждый из молодых строителей знал своё место и свои обязанности. Руководила стройкой светловозрастная девушка, бывший секретарь местной подпольной комсомольской организации Ольга Шатилова.

К только что заложеному фундаменту будущего дома полыхал грузовик-самосвал. На капоте его мы увидели изображение зурба. Это был новенький автомобиль; его темнеющая краска ещё ни в одном месте не была поцарапана. Грузовик только недавно сошёл с конвейера Минского автозавода.

Каждый день этот автозавод увеличивает выпуск автомобилей. А ведь совсем недавно на месте его свечалх и просторных цехов тоже были одни фундаменты, как это, что сейчас строит Ольга Шатилова и её товарищи. И в тех фундаментах минского автозавода тоже работали комсомольцы — молодое поколение большевиков-строителей, испытанных огнём войны.

Прошло две недели, как начался месячник. В Минске, в ЦК комсомола, на имя Героя Советского Союза Петра Машерова поступают телеграммы и рапорты о том, что обязательство о построении жилых домов, взятое комсомольцами Гомеля, Барановичей, Пинска, Ренны и других городов, выполнено, что тёплые, светлые дома построены и уже заселены колхозными семьями, проживавшими в землянках.

Пришло такое донесение от Ольги Шатиловой из деревни Сенницы. В двух новых домах, построенных молодыми колхозниками, справили носелые семьи партизан-героев Трофима Швеця и Славы Михалюка.

И мы, веша намстручу дням,
Янее время ельшим.
Теперь уже по двадцать нам,
А многим двадцать с лишним.

Сквозь озарённое стекло
Струится луч весёлый.

И так легко,
И так светло,
Как будто завтра в школу.

По птичьей грусти,
По заре,
По редкимнам приметам —
Ещё не осень на дворе,
Но и уже не лето.

Несамшино ветер подожил,
Улёгся волею окон.
— Где Сергей Васильевич?
Химический карандашом
Отчерен лес далький.

Иосиф Виссарионович Сталин

Рисунки Г. Белашова

Сквозь отверстия заокоченной покрывки драпировки пробивается солнечный свет. Мэвэт и Ваачмо лежат на мягких оленьих шкурах, внимательно рассматривают карту пастбищных угодий своего колхоза. А у костра, сидя на корточках, отец Мэвэта, старик Пытто, безотрывно смотрит узкими слезящимися глазами на чернеющую от огня, огодённую от миса оленью лопатку. Морщинистое смуглое лицо его, с седой бородкой, с резко выдающимися скулами и с впалыми щеками, расписанными маленькими крестными татуировки, казалось лицом провидца, постигающего тайну, недоступную обыкновенным смертным.

Мэвэт толкнул в бок Ваачмо, указав глазами на отца и еле слышно промолвил:

— Смотри, смотри, гадает. Много нам с ним разговаривать придётся.

— Всё равно по-своему сделаем, — так же тихо ответил ему Ваачмо и снова устался в карту.

Внезапно исполнившись, старик выхватил из костра раскалённую лопатку оленя, быстро опустил в деревянную ямку с водой. Закрыв морщинистыми веками глаза, Пытто на мгновение застыл в неподвижности, затем осторожно, словно боясь разбить, поднял потрескавшуюся лопатку к глазам и с безстрастным видом начал изучать её трещины. Мэвэт и Ваачмо, поворачивая голову в его сторону, с выражением острого любопытства и тревоги смотрели на чужь дрожавую в руке старика оленью лопатку.

— Скорей собирай стадо народ, — неожиданно нарушая тишину старик Пытто, — я говорю тебе.

— Да, сейчас соберём народ, я тоже говорю тебе, — сказал Мэвэт и легко вскопал на чужь краше ноги.

В голосе сына почувствовал Пытто еле заметную угрозу. Он окинул строгим взглядом высокую, лёгкую фигуру юноши и раздельно, подчёркивая каждое слово, повторил:

— Скорей собирай стадо народ, я говорю тебе.

Народ собрался немедленно. Молодые пастухи тревожно переговаривались, восторженно смотрели на своего бригадира Мэвэта, старика с разволнувшим видом куриль длинные деревянные трубки.

Пытто с непокрытой седой головой, опоясанный чёрным расшитым бисером ремешком, не моргая, смотрел на оленью лопатку, лежавшую у него на коленях. Застывший, как изваяние, весь погосподский своего миса, Пытто прилежно к себе присебодое значание. Разговоры постепенно стихли, наступила напряжённая тишина.

— Начинаю собрание нашей бригады, — вдруг раздаётся громкий, уверенный голос Мэвэта.

Это было так неожиданно, что люди издрогнулись и повернулись в сторону юноши.

Словно очнувшись от забытия, Пытто устался ничего не понимающим взглядом в открытое, смеющееся лицо сына с широкими сросшимися у переносицы бровями, с небольшими ямочками на лбу, полукруглыми густой чёрной чёлкой аккуратно подстриженных волос. Узкие глаза его круто загнулись у переносицы верхними веками были настолько спокойны, невозмутимы, что старик Пытто вдруг вспыхнул и сердито спросил:

— Что так смотришь? Не чай пить, о кочевых тулках поговорим будем...

Н. ШУНДИК

ГИБЕЛЬ КАМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Из рассказа, поступивших на конкурс

Не повинуя тона, стремясь соблюсти почтительность к отцу, Мэвэт ответил:

— О кочевых тулках толковать нечего, — подним карту, Мэвэт приложил её к оверой груди и добавил: — Вот сюда кочевать будем, в долину реки Койнайк. Так на правлении нашего колхоза рещина. А сейчас мы поговорим, на какой день назначим кочевье.

Молодчик одобрительно зашумела в ответ на слова Мэвэта, а старик выжидающе уставился на Пытто. А тот вдруг астал на колени, схватил оленью лопатку и, подним её перед своим лицом, трясом заговорил:

— Прядки наши несчастный путь кочевья определили по трещинам на допатке оленей. Горе тому, кто закон предков забывает! Перед нами долина реки Койнайк. Кому из нас не известно, что у входа в эту долину стоит восточный пирамидаль — каменный человек. Разве не знаете вы, что у него только обложка каменная, а внутри живой он? Горе тому, кто мимо каменного мужчины пройдёт. Нет, я не пошло, чтобы наше стадо погубило, мы не пойдём в долину реки Койнайк, вот трещины на допатке шюй путь нам показывают. Мы пойдём долиной Тиркэйш.

— Что? — воскликнул Ваачмо.

Мэвэт сбросил своего друга за рукав и с презрением сповневающим спросил, обращаясь к пастухам:

— Вы слышали, что отец говорит? Он хочет гнать стадо через долину Тиркэйш, но разве оленей едят камешь, а что, кроме камня, есть в долине Тиркэйш?

Пастухи зашумели все сразу.

— Нет, не дело ты говоришь, Пытто, — сказал старик Укувэт, — через долину Тиркэйш нельзя оденей гнать: пока мы пройдем, у нас олени соесят худыми станут, падать будут.

— Что же, по-моему, мимо каменного человека идти? — возразил ему старик Выльда.

Поднялся спор.

— Сталою простого каменного столба боться! — запальиво сказал Ваачмо; его круглое, розовощёкое лицо всогорело от возмущения.

— А ну послушаем, что говорит молодой! — воскликнул Укувэт, стремясь переключить шум голосов.

— Пусть говорят молодые, что им вздумается! — крикнул Пытто, — когда надо было и слушал их, они часто дельное говорят, но сегодня ни молодой, ни старым говорить нечего. Вот она, судьба, сама говорит, — Пытто подлил над головой оленью лопатку.

Мэвэт вдруг резко подлил над головой свертнутую в трубку карту и, уже не заботясь о мягкости своего тона, воскликнул:

— Мы, молодые, скажем вот что: хватит верить сказкам! Будем делать так, как большинство народа на колхозном собрании рещило, когда пастбище распределяли.

Глядя в упор на отца, Мэвэт протянул ему карту и сказал:

— Не на трещины на оленьей допатке смотреть надо, а вот сюда, на карту, чтобы самое лучшее пастбище выбирать. Я тебе указал, отец, ты хороший, очень хороший оленевод, без тебя наша бригада, может быть, не была бы первой в колхозе, но бригадир здесь я, а не ты, и я не позволю стадо гнать через каменную долину.

В тоне Мэвэта было столько силы и решительности, что все пастухи прыгнули, а Пытто шаркнул в костёр лопатку, вскопая на ноги и вышел вон из яранги.

— Будет так, как я сказал, — добёлся с улочки его голос.

Мэвэт, Ваачмо и ещё три молодых пастуха отправились к стаду, расквашиваемому по складкам около километра в трёх от стойбища. Мэвэт, перебирая в руках кольцо своего армана, с ослепком горечи на душе из-за ссоры с отцом душой о том, как ему быть.

— Ты не подлайкай старика, — горчически Ваачмо, с силой хлопая по своему зашнурованному меховым штанам роговой сивомбинальной.

— Понимаю, люблю я отца, — задумчиво промолвил Мэвэт, — и вот сейчас я не только злой на него, мне ещё и очень жалко его: когда он перестанет верить во всё это гадание! Неужели он так и умрёт, не поняв, что чепуха всё это?

Несколько минут пастухи шли молча. Твёрдый свет мерно просквашивал под их лёгкими торбасами.

— Каменный человек, — наשמилло промолвил самый молодой пастух Коттыргын. — Виутри явное что-то, — добавил он и расхохотался.

Мэвэт вдруг остановился. Зашнурованные широкие брови его были нахмурены, он что-то бормотал.

— Вот что, — наконец сказал он, — вы идите в стадо, а я схожу к этому каменному человеку, здесь недалеко. Учте очень злой я на него. Хочу поговорить с ним как человек.

Пастухи удивлённо переглянулись, а Ваачмо с азвительной улыбкой спросил:

— Неужели ты так и умрёт, не поняв, что с каменным столбом разговаривать бесполезно? Мэвэт улыбнулся, туго затянул ремешок на своей пыльной кушачке, отгороженной пушистой шкурой росомахи, и быстро пошёл к ближайшему перевалу невскойкой гряды сопки.

У КАРТЫ РОДИНЫ

Улёсто стучали погоничи.

Шум скачущих оленьих упряжек с каждым мгновением становился всё ближе.

Вскоре к Пытто подкакали Мзвэт и Вааччо. Они круто остановили своих оленей, как по команде, вскопши с нарт. Пытто зачем-то снял с головы малаяк и, тщательно скрывая вдруг вспыхнувшее в нём чувство радости, начал набивать снеговыбывалкой намерзшие сосульки на пушистой опушке малаха.

— Какое здесь настобие, отец! — весело воскликнул Мзвэт, как ли в чём не бывало. — Я ещё не видал такого на свете.

— Через месяц олень наши станут такими жирными, как это бывает только осенью! — ещё громче воскликнул Вааччо.

— А твоего страшного каменного человека нет уже больше на свете, — нескладливо сообщил Мзвэт.

— Как «нет»? — удивился Пытто, глядя на сына с выражением величайшего изумления.

— А вот подем домой, ты там всё и узнаешь.

С приездом Мзвэта, Пытто и Вааччо, несмотря на поздний час, на улицу высыпали все население стойбища, и, словно выскользнув, люди гурьбой направился к тому месту, где стоял раньше каменный столб.

— Вот всё, что осталось от пыркальвама, — сказал Мзвэт, указывая на группу беспорядочно разбросанных камней. — Посмотри хорошенько; и снаружи и внутри этого простого камня.

Пытто медленно опускался на корточки, поднимая один из небольших каменных осколков и внимательно осматривал его при свете ушерейной луны. Люди молча наблюдали за его действиями.

— Камень, простой камень, — беззвучно шептал Пытто.

Заметив один из осколков с трещиной, Пытто поднял его, с силой стукнул о каменную глыбу. Осколок разбился. Пытто снова сел на корточки, покрутил в руках каждый из мелких осколков.

— Кто это сделал? — глухо спросил он, не глядя на людей.

— Помнишь, летом в наше стойбище из Иультина русские приходили? — сказал Мзвэт. — Среди них высокий такой был, Иван — его имя. О, это сильный человек, Иван! Он не такие камни ломает! Я вчера ходил к нему, долго рассказывал ему, как я ненавижу этот камень. Сначала русские смеялись, а потом всё поняли, и старший их сказал: «Иди, Иван, заложил побольше аммунилу, подыми на воздух твои проклятый камень. Я вижу, он не просто твою землю давит, на которой стоишь он, так понимает надо, душу людям давит, сердце давит». Вот Иван и взорвал каменного мужчину...

— Русские, — промолвил тихо Пытто, — русские. Он ничего не боится. Они вас, молодых, научили ничто не бояться, — и вдруг, сделав резкий шаг к людям, Пытто громко закричал:

— Что же вы, молодые, не хотите? Почему не смеётесь, я вас спрашиваю? Ведь вы, у которых ещё есть нет, увидев меня оказался, у которого голова седая. Смеётесь же, слышите! Люди молчали.

Вааччо толкнул плечом Мзвэта и тревожно спросил:

— Что сказать ему, а? Надо сказать что-то.

Мзвэт положил руку на плечо отца и спросил:

— Тебе интересно знать, что скажут молодке? А молодые вот что говорят: «Пусть будет проклято всё то, что мучило родителей наших!». Камень этот, правда, сказал русский человек, но просто на этой земле стоял он на сердце твоём лежал, он на сердце многих учейцев лежал, не пускал народ в эту богатую долину. Мы взорвали его. Мы сняли его у тебя с сердца. Мы очень хотим, чтобы сейчас тебе легче дышать стало. Мы сейчас уйдём, а ты пойдешь здесь немного с остатками этого проклятого каменного мужчину. Подумай, хорошо подумай, поговори с ним в последний раз.

Мзвэт направился к мушкету. За ним с обескураженным вздохом потянулись все остальные жители стойбища.

Пытто устало опустился на один из каменных обломков и сделал свою гробку.

— Вот тебе и спави! Внутрь! — с тилой улыбки промолвил старый чукча.

г. Хабаровск.

Пред картой
Родины прекрасной
Остановись и посмотри
На синий
И барвово-красный
Цвет океана и зарни!

Землепроходцы на Урале,
Взломав застывшие пласты,
Для этой карты подбирали
Каменья дикой красоты.

Умолкнул в штреке
Лязг обвала.
И под навесами шестов
Шлифовка преодолела
Шероховатости веков...

Смотри на карту!
Камни эти
Не краской крашены:
Они
Приобретали цвет в планете
Тысячелетия, а не дни.

Смотри на камни!
Карта эта —
Искусство, а не ремесло,
И не сиянье самоцвета
Твоей вниманье привлекало.

У мастеров
Искусны руки, —
Но не воспроизведены
Нас окружающие звуки
Победы

мира
и войны.

Всё надобно начать сначала.
Пусть.
Все могучие слова
Застежат карту,
Чтоб звучало
И прозвелья и сивева.

Не древность в перелёте ватком —
Не колокольчик под дугой,
Малаякту вырублены предком,
В степи Барябинской нагои;
Не дом с лучиной и кручиной,
Не постовые места,

Где под прогнившего овчиной
Храпит алованку инакту;
Не перевернутые санчи,
Храбёт сломашние кнупу.

А в Смольном
Гневный
Стук
Морянки:
— Огонь!
По Зимнему дворцу!
И революционный опыт
(Который впрямь не одинокий!) —
И нескляе воли
Саминцов ротот,
И по Дворцовой
Топот ног.

Об этой осени,
Об этом
Распространявшемся огне
Любим и каждым самоцветом
Повествовала карта мне...

У мастеров
Искусны руки,
Данженье скульпы и точны,
Но нет суровое науки,
Чем география войны.

Разуворяешься в споровке,
Будет твой из-за бугра
На первой реконгосисфере
Огнём накрыют снайпера.

И только мертвецы
Вие цели,
Когда по прихоти войны
Минированы параллели
И полоса окружени;
Когда встает
Настречу танку,
Из-под сухого ковыля,
Вывернутой назнанку
Блоккрованная земля;

Когда в ковыльном ветрогне
Перед околицей села
Хралят ковалковские кони,
Перегрызая удила.

Не только место,
Но и даты
На карте
Я определил.
Здесь
Рокоссовского солдаты
Полуд в огонь по ковылю,
Трёхрешётку рубяжа в плашисте
Кобаты юные несут
С заботой обо всей планете,
Потопкам на суровой суд.

В Георгиевском светлом зале,
Двуухветном и двухухветном,
Они на камне воскресли
И пот стирали рукавом.

И перед залпуском турбины
К прыжку готовилась вода,
Пятикоченные рубины
Обозначали города.

Танулись вверх побegi леса,
И пережившие войну
Мирлобнзое железо
Раскальывало целину.

И всё,
В чём беды погасили
Сиянье утренней зарни,
Монтанчины «Электросильны»
Вьюга освещала —
Изнутри.

Смотри на карту! Эти даты,
Вблизи до светлоты светлы,
Черны от гарн, как бушлати,
Как орудийные стволы...

Сивозь вспоминания, ветер одной,
Шатающийся позоди,
Простор четвёртой пятилетки
Внимательное разглядит!

На синий и барвово-красный
Цвет океана и зарни
Пред картой Родины прекрасной
Остановись и посмотри!

Она стоит на месте трона
У многоугольных стен,
И блочнее выше, чем корона,
Колься герба сплетены.

Тугой венюк, как поладен, золот,
И на десятки тысяч вёрст
Летят над картой серп и молот
По рукоятке перекрёст.

И за стеной многокошной,
На плечи города вала,
В неударничестве района
Лежит земля, бежит земля.

Но разве могут самоцвета,
Каменья дикой красоты,
Изобразить
Её рыватцы,
Её закаты
И цвети!

Девушка

из И

В этот день сюда съехалось сотни людей — цвет текстильного Иваново: прославленные ткачи-стахановцы, начальники цехов, директора крупных фабрик. Они собрались в этот огромный зал клуба Ново-Ивановской мануфактуры для того, чтобы прослушать лекцию о новых методах труда.

И вот на трибуну поднимается лектор. Нет, не седой профессор, не министр, даже не инженер. На трибуне — ткачиха, простая ивановская ткачиха Екатерина Кузнецова.

Ей всего 19 лет. И всё же её пришли слушать, пришли учиться у неё старые ткачихи и инженеры.

Никогда не померкнут славные традиции революционного пролетариата! Они передавались и передаются из рода в род, памятью о знаменитой всеобщей рабочей забастовке пятого года, памятью об одном из первых в России Совете рабочих депутатов. В Иваново руководила подпольными организациями Милана Васильевна Фрунзе, отсюда он пошёл на фронт, к Чапаеву, славный полк ивановских пролетариев. Здесь под его руководством вырос писатель и комсомолец Дмитрий Фурманов. И эти чудесные традиции, эта стойкость, настойчивость в достижении целей, верность партии, народу, любимой Родине старше поколения ивановцев передаю, как эстафету, своим сыновьям и дочерям с наказом свято беречь чистоту ивановских знаний, высоко нести их дальше, вперёд, к коммунизму.

Катя Кузнецова — одна из тех, кто продолжает и развивает то, во имя чего жила и боролась старшее поколение ивановских большевиков, представитель беспокойного комсомольского поколения, которому выпало на долю счастье довершить дело своих отцов.

О чём говорит перед широкой аудиторией молодая девушка? Она с увлечением развешивает величественную картину ро-

ста страны, роста её родного Иваново. Четыре миллиарда шесть-сто восемьдесят шесть миллионов метров хлопчатобумажных тканей должна выработать в годовую Ивановской текстильско-лёгкая промышленность, и немалая часть в Ям приходится на город текстильщики — Иваново. Да и сама она и её подруги, работницы фабрик имени Балашова, и все сидицы здесь непосредственно несут ответственность перед страной за успешное выполнение плановки. И ведь каждому хочется достигнуть этой прекрасной цели раньше, быстрее, не за пять лет, а в четыре года.

Катя по памяти читает стихи поэта:

«Мечту свою мы ничего называем
Великим планом сталинских работ».

Катя Кузнецова настойчиво искала кратчайший путь, к осуществлению этой благородной мечты. И она, юная комсомолка, только недавно покинувшая стены школы ФЗО, ишла эту путь.

Девушка обстоятельно рассказывает, как она изучала станки, как детально знакомялась с трудовыми процессами ткачи, как боролась за скорость, за каждую долю секунды.

На отих секундах она экономит часы, дни и годы. Возможно ли, чтобы в прежние времена дали иные в капиталистических странах рабочий материал, так, как имеет советская работница Кузнецова? Текстильные тузы, всякие Кураевы, Гризиновы, Карелины получали семьдесят процентов прибыли на капитал. Миллионы рублей, нажитых на поте тысяч бесправных и орудных тружеников, текли в сейфы фабрикантов, а ткачи вопрежнему спалили нарах в казармах, получали по восьми долларов в месяц. Не зря в старом Иваново-Вознесенске умным носил название Голодашки, Ямы, Рылихи.

Далекая старина! Катя не может этого

Катя читает лекцию.

На уроке физики.

Тренировка на фабричном стадионе.

В ДНОВА

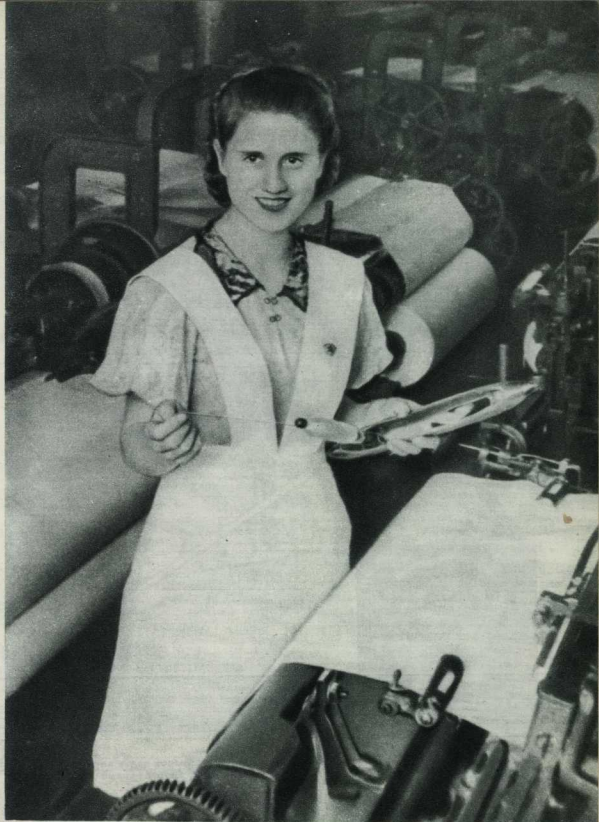
знать, потому что выросла в городе красных уащ, домов и нарков: городе школ, институтов и театров; городе больших и светлых фабрик; городе, где она полноправная хозяйка, и потому Катя так свободно и легко чувствует себя в своём доме, в своей стране. В новой, социалистической жизни выработалось новое, социалистическое сознание, возникли новые права и обязанности перед Родиной.

И перед широкой общественностью Катя Кузнецова отчитывается в своей работе. С четырёх станков она перешла на обслуживаниеesslerми и свой годовой план выполнила к 23 июля. Личную свою пятиставку Катя обещает завершить в будущем году.

Зада рукопашает молодой стахановке. Но ведь тем и замечательн передовик производства, стахановец, что он не довольствуется только своими личными успехами, он озабочен тем, чтобы достижения одиночек сделать достоянием многих, подтянуть до уровня передовиков все бригаду, цех и всю фабрику. Катя Кузнецова — бригадир комсомольско-молодёжной бригады, руководитель стахановской школы. С законной гордостью говорит она:

— Я выпустила три стахановских школы — 15 человек. Мои ученицы, молодые ткачихи Чернова, Леденцова, Майорова, Гвоздева, работают уже не хуже меня. Не бывает ни одного месяца, ни одного дня, чтобы они не перевыполнили план.

Катю Кузнецову со вниманием слушают и комсорг цеха ватершница Шура Ерофеева, и комсомолка-банкаброшница Нина Сиомова, и помощник мастера комсомолец Александр Косулин, и многие другие. Они тоже выполнили свой план к 31-й годовщине Октября, они, как и Катя, как и все комсомольская семья ивановских текстильщиков, также рапортуют народу о своих успехах на производстве в честь всенародного праздника.

В гостях у старой ткачихи В. Н. Миловой.

ЩОРСОВЦЫ

Фот. Я. Павловского

Генерал-лейтенант И. И. Петров ведёт занятия по тактике (1948 год). Слева — И. И. Петров — комбат Таращанского полка (1918 год).

дые и средних лет люди в полувойенно-полустатском обмундировании 1918—1919 годов.

— Припомните? — разглядывал Соколинский взором лицо молодого поросенка в вышитой рубашке и фуражке со звёздочкой.

— Как же, ещё бы не помнить! — оживился Атаманенко. — Да ведь Петров же это, комбат наш. Он ещё под Летичевым в атаку вошёл вместе. А вот Серебряков. Вот Шеленюк из штаба Щорса. Вот Коваленко — полковник разведки. Рыбеца — командир батальона.

Вместе с этими фотографами в тихий дом на тихой таращанской улице входили воспоминания не только о бурном, горячем былом, о юности, красиво прожитой и отшедшей в прошлое. Глядя на пожелтевшие за тридцатилетие фотографии, думалось им и о настоящем, о людях — генералах, профессорах, инженерах, мастерах, учёных, врачах, — выросших из тех, кого на марше или в перерыве между боями учительница учила грамоте... Думалось о жизненной дороге боевых товарищей — однопольчан, о больших судьбах всего поколения...

После Отечественной войны в Киевской колледии адвокатов вновь появился высокий, стройный седой юрец в шинели и военном кителье.

— Юрец, о котором идёт речь, — Александр Леонидович Серебряков. Потомственным интересом, всю гражданскую он провёл на Украине, служил у Щорса. А после гражданской войны неугомонный и неугомонный командир из штаба Щорса засел за кодексы. Серебряков стал юристом.

Когда началась война, Серебряков упорно стал добиваться приёма в армию. Военными, к которым он обращался, выслушавши, сочувствовали, отдавали должное его прошлым

Профессор Д. А. Соколинский с дочерью (1948 год). Слева — Д. А. Соколинский — разведчик Таращанского полка (1918 год).

Не так давно из Киева в Таращу приезжал консультант-профессор. Небольшого роста, быстрый, подвижной, он выглядел значительно моложе своих сорока восьми лет.

Профессор принимал больных в поликлинике. Приём уже заканчивался, когда в кабинет, слегка прихрамывая, вошёл высокий старик, назвавшийся пенсионером Атаманенко. Профессор внимательно осматрив, выслушав его.

— Ревматизм давно болелест?

— Так точно, — по-военному ответил Атаманенко.

Из-под густых нависших бровей на профессора неотрывно глядела немного удивлённые глаза.

— Разрешите спросить, товарищ профессор... Вы не щорсовец? У Боженко в Таращанском не служили? Может, обознался... Но глядя на вас, и прикиньтесь мне разведчик или...

Такой черноволосый человек... Очень похожий... Ну, прямо, будто вы в молодости.

Старик не обидёлся. Киевский профессор доктор Соколинский тридцать лет назад действительно служил разведчиком в Таращанском полку. По путёвке комсомола пришёл он в первое же мирное дни в Киевский университет. Колонный, холодный ветер свободно гулял в аудиториях, мороз обжигал пальцы, державшие карандаш. Но таращанец упорно учился по двадцать часов в сутки. И вот в 1927 году он

получил диплом врача. А спустя несколько лет молодой учёный-коммунист Соколинский защитил диссертацию. Защита происходила в медицинском корпусе университета, на бульваре Шевченко, на том самом месте, где в 1919 году разведчик Соколинский дрался с денкивскими офицерами, засевшими в доме.

...В тот вечер в Тараще профессор до поздней ночи сидел у Атаманенко. Два поросенка два ветерана гражданской войны пересказывали в памяти своих командиров, товарищей по боям и походам, говорили о былом.

— А митинг, когда мы Киев взяли, помните? — спросил Атаманенко. — Полный театр... Море слезин. И вздох, словно молния: «Слово имеет товарищ Щорс...»

— Помню, — отвечал профессор, — хорошо помню. Представьте себе, в этом же театре и недавно встретил влиятельного бывшего комиссара, Невского. Он как раз и отхаживал тот митинг.

— Владимира Николаевича? — вызволяя-вольно переспросил Атаманенко. — Ну, как он? Слышал я, будто в Академии наук работает. Правда это? — и, перебив себя, продолжал: — Погадите, профессор, погодите, у меня где-то должны быть фотографии.

Он порвался в ящике с книгами и через несколько минут радостно воскликнул:

— Вот они!

Со снимков смотрели их сверстники — моло-

Боевым заслугам, но... неизменно ссылался на закон: возраст... тожд...

Но Серебряков был не из тех, кто легко сдается оружие и безропотно покоряется обстоятельствам. В Сталинграде его уже видели майором в должности начальника штаба одного из сапёрных соединений, готовивших город к обороне. И случалось так, что укрывшись в одной из возвышенностей, впоследствии заняла и защищала его родная, Шорская дивизия, покрывшая новой славой свои боевые знамена.

Как-то в огненные сталинградские дни, когда шла особенно ожесточённая борьба за завод «Красный Октябрь», в полк пришло письмо. Старый воин, ветеран гражданской войны, драивший вместе со Шорсом и Боженко, писал своим однополчанин: «Был в Шоре видел, как вы дерётесь сегодня в Сталинграде, он сказал бы свое любимую фразу: «Вот орлы!»

Под письмом стояла подпись: «Пётр Шеленко». Когда шоровец, участнику гражданской войны, называют эту фамилию, в его памяти воскресает переполненная пулемётными лентами, увешанной гранатами, огненно смелый солдатский боец, храбрость которого не раз лично отмечали и Шорс и Боженко.

Теперь Шеленку было уже пятьдесят лет. Он уже не ходил в атаку. На волжском берегу его можно было встретить на территории лесопильного завода. Шеленко пошёл сюда из Киева, где до войны работал мастером мебельной фабрики имени Боженко. В Сталинграде ему дали патентами бойцов и поручили охранять завод.

Иногда сбрасывая на «хозяйство» Шеленка пять тысяч снарядов, восемь тысяч мин, триста пятьдесят бомб. Тридцать раз возникали огромные пожары.

Однажды на лесопильный завод приехали за лесом бойцы из батальона аэродвигательного обслуживания. Молодой лейтенант представил Шеленку письменное распоряжение. Шеленко прочитал бумажку, кивнул головой — лес, дескать, будет — и заинтересовался лейтенантом: «В. Рабцев?»

— Какой это Рабцев? — спросил он лейтенанта. — Когда-то у нас в Таранщанском полку был комбат Рабцев. Не он ли?

— Отец, маме берёшь, — отвечал лейтенант. — Это генерал Рабцев.

Шеленко покачал головой, улыбнулся и вежливо спросил лейтенанта: «Вы — генерал, сын комбата Шорской дивизии больше генералы вышли.

А может, и вправду генерал В. Рабцев, чья подпись стояла на официальной бумаге, и есть

тот самый Виктор Иванович Рабцев, который сидел у Шеленка Ватраг из-под Курска, потом дослужив шахтёр, брусняковский солдат. Рабцев в 1917 году был в Москве выборным командиром роты, а в Октябрьские дни со своими солдатами брал Кремль. После Шаршина командует Рабцев полком на Украинку. У Богунца, где при эвакуации Шорсы, он был комбатом, потом у таранщанцев командир полка. Году в тридцать второму Шеленку рассказывали, что Рабцев уже командует летевой дивизией. Потом его след потерялся, и вот из Сталинграда, при эвакуации Шорсы, оно только смущало Шеленка: тот Рабцев служил в пехоте, а этот — генерал авиации.

В то самое время, когда Шеленка занимали все эти мысли, с полевого аэродрома, на самолёту от Сталинграда, выехал «вандлас». Рядом с шорофром сидел генерал Рабцев. Это был шоровец Рабцев. После пятидесяти лет службы в пехоте он перешёл в авиацию, закончил знаменитую Качинскую школу и поступил в Военно-Воздушную академию.

Через двадцать лет после боевого крещения на земле он получил боевое крещение в воздухе, на финском фронте, где командовал авиационной частью. И вот теперь вод Сталинградом, как предводителем авиационной армии, он ехал на командный пункт летевой армии.

По дороге Рабцев обдумывал вопросы, которые ему предстояло решить, и попутно вспоминал, что собирался высказать у лейтенанта, где знает ли он, где Таранщанский полк. Генералы сказали, что полк в Сталинграде.

Командир, к которому приехал генерал из авиационной армии, занимал штабной автобус. Рабцева провожали. Настрелку ему из-за небольшого стола, ватуго приподнятого к полу, вышел рослый, плотный военный в гимнастёрке.

— Рабцев! Сколько лет, сколько знал! — и командир сильными, большими руками сжал Рабцева.

Вот так встретил С командиром Трофименко Рабцев служил ещё у Шорсы. В те далекие времена Трофименко был радным пулемётчиком, а потом командиром пулемётной роты Таранщанского полка.

Летчик Иван Кожедул любил слушать рассказы подполковника о Николае Шоре и его бойцах. Чем ближе узнавал Кожедул этого

высокого, худощавого человека, начальник политагбата Исаковича, тем больше он ему нравился. Кожедул часто задумывался над большой и яркой биографией этого скромного солдата парти. В революционном движении Исакович стал принимать участие с 1912 года. В 1914 году в Питере вступил в большевистскую партию и всё дальнейшую работу в армии, в 1917 году работал в Харьковском совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. По поручению Центрального Комитета партии формировал в Умече полки Первой Украинской дивизии. В гражданскую войну был комиссаром Шорской дивизии, потом на партийной работе, строил города, прокладывая дороги, проводил коллективизацию, секретарствовал в глубине и округе. Партия поручила ему оказать личный доклад, и в 45 лет он научился летать. На Украине работал начальником политагбата Гражданского воздушного флота. Все эти годы большевик Исакович учился, закончив высшие курсы марксизма-ленинизма, Институт красной профессуры. Его акцеля научная работа, а в тридцатых годах он становится старшим научным работником Института экономики Академии наук Украины.

В первые же дни Отечественной войны секретарь партийной организации Академии наук Исакович, отложив в сторону материалы своей диссертации по политичекой экономике, уходит на фронт.

— На всю жизнь запомнился мне такой эпизод, — рассказывает Исакович Кожедулу. — Однажды в вагоне грузового бота, подвеса донесёне в Москву, Шоры, эвакуированный, радостный, ходил по своему вагону а, всё больше загораюсь, говорил мне о будущем. «Может, мне с тобой и погибнем, — говорил он, — а бою погибнем, и не увидим это будущее. Другие будут жить. Они его увидят, они его построит. Люди революции растут, поднимаются, набираются сил. Освобождённый человек расправляет крылья. Он отправляется в большой полёт». Потом Шоры протерла глаза, посмотрел в окно. По пути шла группа бойцов. Он показал на них рукой: «Вот они, будущие командиры и строители. Шоры помогал с минутой, прошлись медленно по салону и уже совсем тихо сказал: «Большие люди, орлы...»

Мечты Шорсы и шоровцев стали явью. И об этом думали два коммуниста, два старых шоровца, рассматривая старые фотографии в тихом доме на тихой таранщанской улице.

Имя. МОСКВИН

Шеленко дорога

Рассказ

Когда Лошкиной показывал повестку завтрашнего совещания, она поворачивала, взяла из никкерированного бумажника стоящего на её большом письменном столе, синий карандаш и обдела овалом первую строку: «Торф, его добыча и использование — профессор Параскевиз». Подумав, она синей стрелкой отнесла этот пункт вниз, почти в конец повести.

«Близится зимовка, это нехорошо!» — сказала, поджывая подбородок губы, Авдеев, занимающийся в райсовете местной промышленностью. — Сами посудите: человек приезжает из Москвы, чтобы нам помочь с торфом, а мы его в конце совещания...

— Вот именно потому, что он приезжает из Москвы, — возразил, размеренным голосом сказала Лошкина, — потому, что первый раз нас и нашли дека видят. Вот именно поэтому надо дать Параскевизу благодать на совещании, никуда, послушать «предмудрых ораторов».

— Вы же знаете, как у нас говорят! — Авдеев оскрупилино поёр круглый подбородок, но заметив спокойно-ишемешакий взгляд Лошкиной, вспомнил, что на последнем собрании сильно затнуса свою речь, и потому поспешно перевести разговор на другое: «А как, Евдеева Анисимовна, со встречей Параскевиза?»

— Никак! Приедет — и всё...

За последние дни она слышала от разных работников райсовета этот вопрос. И хотя спрашивающие, может быть, не придавали этому особого значения, ей каждый раз слышалось в вопросе что-то ненужное, не своё, взятое из далеких времён чини-

почитания и угодничества. Вот и Авдеев тоже. И даже больше — озбоченности в голосе, будто бы весть какое важное дело!

— А вы, Арсений Всемирович, что бы предложили? — спросила она, помешая пугнуть в «текущих делах» повести. — Дорожки неском поспешать? Или, как у Гоголя, колвски большим переменить?

Авдеев умяблился не от шутки, а от лёгкости на душе: раз Лошкина так говорит о встрече, значит, она это взяла на себя, и ему ничего беспокоиться, если гостя не так примут. Но он сохранил заинтересованный вид.

— Да, но всё же, — сказала он, забывая повестку и направляясь к двери. — Простю из гостеприимства.

«И «просто из гостеприимства» уже было сделано Лошкиной: отведен удобный номер в гостинице на вокзал к поезду послан с машины Гриша — помощник команданта райсовета; оттого же Гриша должен был посмотреть, чтоб в номер не забыли поставить письменный стол с бумагой и чернилами, и по утрам эти два вида книг, что будет тут Параскевиз, ему приносил мезстную и обстановку газету.

Лошкина подошла к окну. Перед подъездом стояла «многочисленная эмка», а в открытой двери шорофской кабинки были видны на диванчике каблуки туфель: Катя или спала или дремала, ждала Авдеева.

«А я ничего!» И спала не больше е! — с удовольствием подумала Лошкина, вспоминая вчерашнюю долгу, окончившуюся ночью, поездку на торфоразработку. — Впрочем, я на обратной

дороге, кажется, дремала, а Катенька... Но ведь есть ещё «пропеченые» мне сорок пять лет, а ей двенадцать!...

Из окна по длинной диагонали был виден новый, недавно устроенный свёрс с белыми сваемками. Тонкие деревья и робкий кустарник приликали к нему, как к магниту. Они росли из каждого пойма ветра, и за них было страшно, как за ребёнка, играющего на мятой. И хотя они были дороги ей, она смотрела на них с тоской и досадой. Она вспоминала толстые кабыны — вон даже пни отседа видны, — которые погибли под топорами немецких сапёров. И теперь надо было сказать больше, почти пересказать целое дерево, не эти прутики, тени и засады которых придётся ждать десять—пятнадцать лет.

Ножило она к сорока пяти прибавила пятнадцать. «Так и уже стержу назад», — подумала она и перебрала в памяти райкомскую молодёжь, покуда Катя, комсомольская помощница Гриншу, Зов, Алексее, Никиту, — прибавила к их годам пятнадцать. То же пятнадцать она прибавила и к годам сына, хотя Павла и не жила теперь в этом городе. Всё равно, им тоже долго ждать... А всё — Сергей Сергеевич; уговорил, что в таком виде деревню лучше привести в порядок, доставляя колхозу деньги, да и начинала. Но мало ли что! Зачем назад отдавать! Вон в Москве на улицах настоящие деревья стоят, а лес там не под боком, как у них. Нет, на площади Рокоссовского это не повторить, там не спорю, но без этого — не повторить.

Тяжело ступая, она прошла в столоу, искося взглянуть на часы: через десять минут начнётся приём посетителей, а ещё надо вернуться в финансовый отдел сметы и объяснить исправления в ней. Под бумагами она нашла кипучу и позвонила. Савьев в кресло, подставив ноги, сидел в ожидании посетителей. «Нет, всё же не высказывайся», — подумала она и позвонила Катю, прикурившей сейчас на дерматинном диванчике машины.

Прим посетителям был до четырёх часов, но обычно затягивался: Локшина неудобно было не принять человека, если он приехал в район нарочно для этого.

Отпустив последних — двух девушек из Воежаикова: вечернюю и учительницу, которые собирали хлопотать о вечерней школе для сельской молодёжи, — она позвонила Анне, решив, что пойдёт обедать, начала уже собирать бумагу, запереть ящик стола, как в комнату вошёл высокий худощавый человек в белых ботках и с толстой тростью в руках. Медленно подойдя к столу, он уставился, но внимательно глазами посмотрел на Локшину и сказал:

— Параскевич. Будем знакомы...

Она на мгновение смущалась. «Почему он здесь? Что случилось? Встретил ли его Гринша? Андрей... Андрей, а как отчество?» Но тотчас угадываясь, позвала на кресло, и пока Параскевич вынимался, она испуганно взглянула в сторону стола, где (сейчас во складывалась) сверху лежала сметка с извещением о приезде профессора Параскевича, и заглянула в него.

— Как доехала, Андрей Савельевич? Встретил ли вас на вокзале — сподобились, изложил, когда спросила она, обозначив сейчас, когда он и сейчас, по последнему извещению, приедет, а тем, что она этого человека когда-то видела.

— Спасибо! Всё в порядке! Встретил. Проводил в гостиницу, — резко, отрывисто сказал Параскевич. — Но мне хотелось бы перед завтрашним совещанием получить материалы. По торфу. Но вообще по торфу (он чуть угадывая тонким губами): это мне известно. А по ващему торфу. Мне хотелось бы говорить применительно к местным условиям. К местному торфу. Где он? И как добывать? Гидравлика, фрезер или у вас только элеваторный способ?

Нет, встретивший тон слов был незнаком, но вот глаза, лицо, движенье рук... Она вспоминала и не могла ни вспомнить, ни перестать вспоминать. Это мешало слушать, думать. Однако не настолько, насколько привычка заниматься сразу многими делами помогла ей.

— Все эти материалы готовы для вас, Андрей Савельевич, — сказала она, не переставая вспоминать, — но мы думаем, что вы устали с дороги, и решила вас познать с ним завтра, с утра... Совещание ведь вечером... Но если вы желаете...

И она, встав из-за стола, проводила Параскевича в комнату Профессора. Идея ни о чём, она взглянула на профессора. Профессор его на фоне окон был чётко и даже молад. В сером, ронящем тумане что-то замерцало. Нет, не вспоминала, а только проглянула время — далёкое время, когда Параскевич был молодой, вернувшись к себе в кабинет, она застала там коренястого Поджарова да ещё извещенье МТУ. Только извещенье, а не денёк, но Поджарков, быстро двигая короткими руками, бурно заговорил о том, что договора с колхозами должны выполняться не формально, а с душой, что не могут быть хорошие, отлаченные МТС среди оставших колхозов, что надо помогать колхозам в скривившихся так далеко.

Локшина, занятая своими мыслями, не сразу догадалась, к чему он это говорит. Но заметив у себя на столе два незнакомых листа бумаги — больших, испещренных карандашом, — и застегивая, просунув улабку на лице Поджарова, она поняла, что он хочет сказать в объёмную статью и по-приятельски просит посмотреть её, выправить...

Она начала было читать статью, но держалась неортёвзно: «Где когда и его видел?» Она положила статью в портфель и сказала, что прочтёт её дома.

И дома, за завтраком, она так медленно перебрала свои школьные годы — нет, не было там так много.

— Может, какой-нибудь давнишний папуашин товарищ? — подсаживала её сестра.

Нет, не тот товарищ сына был на самом моладе её. А тот, наверное, и тогда сестра вспоминала двух Андреев из своих школьных лет. А потом — и не Андрей, но Андрей, обоих приятелей детства. Она называла их имена, улыбалась, даже подмигивалась, но было видно, что ей приятно вспомнить их.

— Помини, Виктор уговорил нас, дурочек, стоять у решётки катящегося на его фигуру вагона. Стул мальчик был! Уж куда бы нам быстны не надо, тогда бы мы и посморгели. А у этой решётки, помню, мы замерли, как ледники! На нас итнине чулки были...»

И Локшина ввурт вспоминала... Конечно, никакой не Виктор, но Катя, а зима! Другая зима, тоже давняя, но трудная, странная, и Параскевич — это зима...

Она позвонила в райотдел, сказала, что будет болеть, чем собиралась, и вызвал Катю, поехала в гостиницу. Сидя в машине, она с улабкой подумала о том, что ещё утром она оставила Катю из малайской суоти, а теперь Катя — из Москвы, московского гостя, а сейчас вот сама едет к нему. И едет неизвестно зачем, в сущности, совсем не по делу...

Они сидели за столом и перебирали уже мелочи, подробности той далёкой зимы. Главное — место и время — было уже обими открыто, установлено.

«В тысяча девятьсот девятнадцатом году группа не Ленинградских, а тогда ещё петроградских комсомольцев была направлена из Москвы в вагон к подстанкам Ново-Ленино, где проходила военский фронт. Это было не болель, не красноармейцы, — воинская часть, — а просто помощники фронту.

Война шла главным образом на рьяльях. С той и с другой стороны курсировали бронепоезда, обстреливающие тощие и рваные окопы с левобой, Окопы на нашей стороне были зарыты в толкой почве, где, несмотря на мороз, хлопала вода, стояла тяжёлая, сырой дымок. Прихрамывая бойцы приходили с отмоороженными ногами в санитарный околок, расползающийся на попутнике Ново-Ленино.

Лиза Локшина приехавшая с ней комсомолка помогала сёстрам милосердия — интересным ткачам — снимать с красноармейцев сапоги или тяжёлые, на гвоздях ботинки и смазывать, бинтовать облезающие ноги. Бойцы стоили не от боли, а от того, что их боли, им прикосновение рук сестёр не чувствовалось. Вorna и чертёная, помогал ткачам и высокий, по-молодому толастый Параскевич. Эти мазки и бинты — баёе дело, и что в них толку? С морозом, с болотом надо не так бороться!

Он пробрался в вагон к началу бойевого участка с испещрённым листком бумаги, где по минутам было расчерчено движение войск из окопов до командного пункта, который специально будет оборудован на попутнике. За полчаса пребывания в теплушке обуви у бойцов будет высушена, а сами они отогреты, напоены горячим чаем.

Начальник, посмотрев на выхросток парня, было усмехнулся: «А Лиза Локшина! Она из Новолосков, не Параскевич, ведь мальчик по своей неразборчивой бумажке, объяснил, что девять десятых будт всегда на месте и только одна десятая — в теплушке. А такой зарудки — чай, тепло, сухая обувь — надого будт хватить».

Разрешение было получено, теплушка на попутнике открыта, и не было теперь человека, кто бы не зина Параскевича, которого почему-то стали звать «командантом». Работы в околоде сразу уменьшилось, и Лиза вместе с подружками перешла работу к Параскевичу: сушили обувь, разносили чай, подбрасывали провизию и ждали подводу, с розовыми конями.

Потом Параскевича где-то около подстанки подбоял окоском снаряда. Раненого «команданта» увезла в тыл санитарная летучка, и больше его не видели. Лиза приняла теплушку, и её то же стали звать «командантиной», но худого, голенастого парня, нашедшего это дело, все вспоминали.

— Если перевести это на наш теперешний язык, — улыбалась и медленно (всё ещё шла перед глазами давняя зима), проговорила Локшина, — то мы тогда, Андрей Савельевич, были, так сказать, ставкоментам.

— И что в каждом придумал бы...

Он подливал из-за стола и заходил по зелёной коровой дорожке, наискосок проложенной по номеру гостиницы.

— Но знаете, что интересное? — сказала он, смакивая с белых бровь выпиривший пень. — Каждое поколение застает что-нибудь удивительное. И в наше время, — он указывал на Локшину, — в денёк, в школах, в гимназиях; мы с вами застали конки в горюдах и, например, оловянные лоски, которые теперь везде вытеснены алюминий. Помните, такие лёгкие, но некрашенные, серые лоски были?

— Да, помню! А из алюминия сначала делали не лоски, а ручки для перьев. Очень красивые ручки в виде гусиного пера...

— Да... Но наше поколение, кроме оловянных лосек и конков, — застало самое большое, самое жалкое — худощавые старички с тонкими ногами и длинными турами... И теперь они стали вспоминать о том, как они шли на этому пути. В середине разговора Локшина подумала и о другом: сегодня утром она, смотря на тонкие дерешча-подростки, прибавляла годы ожидания, а сейчас вот в их с Параскевичем жизни вернулось то же самое худощавое, длинноногое, худощавое подростки тронуты в дальнюю дорогу.

Вести с фронта.

Рисунок Н. Жукова

Пройдут года
 сегодняшних тягот,
 летом коммуны
 согреет леть,
 и счастье, сластью
 огромных ягод,
 дозреет на красных
 октябрьских цветах.
 И тогда у читающих
 ленинские веления,
 пожелтевших декретов
 перебирая листки,
 выступят слёзы,
 выведенные из употребления,
 и кровь волнением
 ударит в виски.

Когда я итожу
 то, что прожил,
 и роюсь в днях —
 ярчайший где,
 я вспоминаю
 одно и то же —
 двадцать пятое,
 первый день.
 Штыками тычется
 чирканье молний,
 матросы в бомбы
 играют, как в мячики.
 От гуда дрожит
 взбудораженный Смольный.
 В патронных лентах
 внизу пулемётчики

— Вас вызывает
 товарищ Сталин.
 Направо третья,
 он там. —
 — Товарищ, не останавливаться!
 Чего стали!
 В броневике и на почтамт! —
 — Есть! — и на почтамт! —
 повернулся и сквылся скоро,
 и только на ленте
 у флотского
 под лампой блеснуло
 — «Аврора».

В. МАЯКОВСКИЙ
 (Из поэмы «Владимир Ильич Ленин»)

А. М. Горький в группе артистов МХАТ. 1928 год.

СТРАНИЦЫ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

А. ТАРАСОВА,
народная артистка СССР

Тридцать лет назад я пришла на сцену Московского Художественного театра. 1918 год. Время, овеянное пафосом революции, время борьбы и торжества русского народа. И тогда особенно близка и жизненно стали убеждения Станиславского о смысле и значении театрального искусства.

Благородство души влекло нас, молодых актёров, на сцену МХАТ. И хотя мы знали, насколько трудна будет работа под руководством неутомимо требовательного К. С. Станиславского, всё же мы стремились работать именно в этом театре, пожалуй, единственном в России театре, который научил нас правильно понимать великие цели актёра — воспитание правды и добра в людях.

Сначала я «ехидла», как говорят в театре, в пьесе Метерлинка «Синяя птица» неродившейся душой, потом получила первую маленькую роль борющейся в пьесе А. К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович». Здесь мне приходилось проносить всего лишь две фразы в четвёртой картине спектакля. Но обчно я очень волновалась перед своим выходом и старалась быть как можно сосредоточенней.

Прошло несколько лет. Мне довелось сыграть несколько больших, ответственных ролей. Сначала я ретенировала под руководством К. С. Станиславского роль Нины Заречной в «Чайке» А. П. Чехова. Ретениции шли успешно, работа над ролью подвигалась, и Константин Сергеевич, кажется, был доволен, но он заболел и отложил постановку «Чайки».

Затем мне пришлось работать с этим великим мастером над ролью Сани в «Иванове» Чехова. Очень требовательный к самому себе и актёрам, Константин Сергеевич добивался от каждого актёра полного и глубокого раскрытия образа, повторяя десятки раз самую маленькую сцену.

Он требовал от меня чего-то такого, что я, тогда ещё совсем молодая актриса, никак не могла понять. Я даже плакала на ретенициях, так как не могла выполнить то, чего добивался режиссёр. Митяй, добрый и обязательный, Константин Сергеевич терпеть не мог женских слёз и, видя их, раздражался и начинал сурово разговаривать с актрисой. Тогда и терпелась ещё больше, а Станиславский неутомимо добивался своего, поправляя и требуя простоты и естест-

венности исполнения. Всё же эту роль я сыграла, но не считала её своей актёрской удачей.

Через несколько лет я готовила маленькую, почти эпизодическую роль Маши в пьесе Вс. Иванова «Броневосад 14-69». На ретеницию пришёл Станиславский.

В этом образе, как и чувствовала сама, мне удалось найти большую искренность и предельную простоту, когда уже, кажется, нет игры, а актёр живёт на сцене естественной жизнью своего героя. Константин Сергеевич, просмотрев ретеницию, остался очень доволен нашей игрой (роль Пеклезиана — мужа Маши — замечательно играл покойный Н. П. Хмельяи), и отозвав меня в сторону, сказал:

— Вы теперь понимаете, что я от вас требовал, когда работал с вами над ролью Сани?

И я тогда поняла, что наш учитель требовал от меня абсолютной простоты, естественности, правдивости. А я не умела со всей искренностью передать переживания и чувства Сани. Невольно получался наиграный, правда жизни подменялась фальшиво. Вот почему Константина Сергеевича, всегда боровавшегося за великую простоту в искусстве, так раздражало, что я не могла воплотить в этом образе заложённую в нём правду, показать всю его красоту и обаяние. Этот случай в работе над образом Сани и замечания Станиславского словно осветили всю мою дальнейшую сценическую практику, вооружили меня настоящим методом работы над образом. Никогда не забыть мне занятий со Станиславским.

Хорошие были минуты, когда он, бывало, после ретениции говорил:

— Задержитесь, пожалуйста, на несколько минут.

И в его кабинете начиналась беседа. Константин Сергеевич рассказывал, как ту или иную роль играли его любимые актрисы Мария Ермолова, Лидия Федотова, Эльвира Дуза. Рассказы сопровождались показами и такими объяснениями, что, даже и не видев актрису в описываемой им роли, можно было представить её себе с необычайной яркостью и живостью. После таких рассказов Станиславский начинал занятия актёрским мастерством. Он не уставал говорить нам:

— Будьте внимательны друг к другу во время пребывания на сцене, находитесь ко вниманию и непрерывном общении со своим партнёром, слушайте его, учтите то, что бы и без слов воспринимал ваши мысли.

И нередко Константин Сергеевич заставлял актрису молчать, не говорить ни слова. А сам начинал рассказывать что-либо вслух, потом печально, требуя, чтобы актриса все свои переживания передавала лишь мимикой, глазами. Это были интереснейшие упражнения на актёрскую выразительность.

Станиславский подчёркивал в таких случаях:

— Что может быть у актёра выразительнее, чем глаза? Зритель должен их видеть и без слов читать по ним сокровенные мысли актёра. Ведь глаза нлазуют огромное человеческое тепло... Замечательные уроки его на всю жизнь зашли в мою душу.

Позже, в тридцатых годах, я работала под руководством В. И. Немировича-Данченко над образом Татьяны Луговой в пьесе «Враги» М. Горького, Маши — в «Трёх сёстрах» А. Чехова, Юлии Тузиной в «Последней жертве» А. Островского.

Владимир Иванович как-то особенно бережливо и чутко относился к актёру на ретениции, обращал его внимание на мелочи, которые часто давали ключ к решению большой актёрской задачи. Он умел так показать артисту тот или иной образ, над которым работал на ретениции, что все начинали ощущать как бы физическую оболочку конкретного человека. Его показы были изумительны! Он мог сыграть и девушку, и старика, и влюблённого юношу. И мы поражались его артистическому таланту. Он создавал самую удобную обстановку для творческого ощущения актёра, звал его к высокой правде чувства, к созданию образов, наполненных большим психологическим содержанием, диханием нашей советской эпохи. Наряду с огромной требовательностью он во-время умея подбодрить, похвалить актёра за интересную творческую находку. Он умел выделить и обратить внимание на молодого актёра и работать с ним, бережно воспитывая в нём всё то драгоценное, что в течение долгих лет было создано Художественным театром. Стратный новатор, экспериментатор, он знал артыстов театра ко всё новым и новым поискам.

ШКОЛА МОЛОДЫХ

утверждая принцип театра мужественной простоты, искусства социалистического реализма.

Особую запомнил мне встречу с Владимиром Ивановичем на заключительных репетициях «Ани Карениной».

Прометрея спектакля, подготовленный режиссёром В. Г. Савковским, он сказал нам, актёрам, много хороших слов. В заключение предложил пропеть вскоре после спектакля, но Владимир Иванович заболел, и выпуск спектакля был отложен месяца на два. Попривалившись он привлек за шпильку спектакля, своего артистичного и талантливого товарища. Он говорил мне, что мне необходимо освободиться от всего сентиментального в работе над образом Ани Карениной, подняться до высот трагедии. Он требовал от нас большой реалистической объективности, бескомпромиссно отвергая скатывания к бытовому и натурализму. Он неустойно подчёркивал, что в «Ане Карениной» Л. Толстой гениально нарисовал трагедию русской женщины, я ревнивец привлекла меня, чувствительна и раскрыта в этом образе чертами национально русские. И я чувствовала душу своей героини, как русская актриса.

Я была награждена за эту работу самой большой наградой, какой может быть, удостоена советская актриса в годы Отечественной войны, когда мы выступали на фронте, ко мне лежали записки: «Приветляе Каренину!» Очень приятно. И в землянках, на всех сколоченных подстанциях, с плакатными грузовиками читала и странными из романа Л. Толстого. А солдаты и офицеры слушали меня, затаив дыхание. Может быть, они в эти минуты думали о родных или о lovedых, находящихся где-то далеко. Может быть, рождал о толстовской Ане Карениной напылал им о любимой женщине.

Особенное творческое волнение чувствовала мы все, выступая на фронте. Мы горделиво много друзей среди воинов, и до сих пор привожу к нам письма от бывших солдат и офицеров, живо falando обо мне в письмах. И в какой-то приходилось выступать, и людей, которые шипут. Общение с этими людьми очень помогло мне в работе над образом Червчкова Муравьёвой в пьесе «Победители» Шервака. Именно таких женщин-врачей я не встречала в армии.

Тридцать лет я работала в Художественном театре. Вся жизнь моя тесно связана с театром. И я счастлива, что мне довелось издать работу К. Станиславского и Немровичем-Данченко, пройти с театром все эти годы и сейчас видеть новую молодёжь. Наши молодые актрисы и актёры имеют артистичную непосредственность, искренность и требовательным отношением к работе. Ряд ответственных роли играет молодёжь. Елена Хромова, отличная сыгранная роль Соли в прошедшей премьере «Дядя Ваня» А. Чехова, Любовь Пущкарева — очень способная, темпераментная исполнительница Катюши Масловой в инсценировке романа Л. Толстого «Юношеские», совсем молодой артист Владимир Трошин, в прошлом сезоне хосла ситианский роль лейтенанта Масленникова в пьесе К. Симонова «Дни и ночи», Кира Иванова, играющая ряд больших ролей, Юрий Леонидов, Давыдов и другие.

В своё время К. С. Станиславский и в И. Немровичем-Данченко смело выдвигали молодёжь, воспитав наше нынешнее поколение актёров, к которому принадлежу и я. Нынешнее руководство Художественного театра в лице М. И. Кларова также следует этой традиции, серьёзно и вдумчиво работая с молодыми артистами, передавая им богатейший опыт, накопленный в результате много лет творческого общения с нашим великим учителем. В присутствии традиций русского реалистического искусства важно дальнейшее развитие и роста нашего родного, воспитанного на Художественном театре. И единственное, что мне хотелось бы, это послушать такую большую школу, которой драматургом сильно и правдиво было бы написан образ советской женщины, мой современница, матери и строительница нового, коммунистического общества. Драматург в большой долгу перед советским театром. Исключительно полуживой юбилей Художественного театра, любимого советским народом, и мы, артисты, хотели бы создавать спектакли, достойные нашего великого, талантливого учителя, великой стилистической школы, в которую нам выпало статься жить и творить.

Октябрь. Месяц больших торжественных событий, — в этом году он стал для нас особенно знаменательным. Тридцать лет Ленинско-Сталинского комсомола отмечает советский народ, пятидесятилетие МХАТ — праздник культуры в нашей стране. В эти же дни и наша школа-студия имени В. И. Немровичем-Данченко при МХАТ отмечает первое пятилетие своей жизни.

У нас, советских людей, есть свои, особая традиция. Мы не только празднуем наши праздники, оглашаясь на протяжении пути, покаяния, мы думаем, что Rome, как в будущем работать ещё лучше, чем в этом ещё больше.

И сейчас, в дни юбилейных торжеств, нам хочется рассказать о работе комсомольцев нашей студии, о том, что все было за эти пять лет.

1943 году. Ожесточённые бои на фронте, на протяжении всех трудовых сил в тылу. Но и это тяжёлое для страны время народ думал о будущем искусства, о новых театральных формах. Осенью 1943 года Комитетом по делам искусства при Совнаркоме СССР была открыта школа-студия МХАТ. Студии было приведено имя великого учителя актёров, одного из основоположников МХАТ — Владимира Ивановича Немровичем-Данченко.

Студенты приезжали отовсюду: из Заветлинского, промороженного Ленинграда, из Атермобильской, где круглые сутки работали заводы, из дальних колхозов, из самостоятельных армейских коллективов...

Никаких скидок не делали экзаменаторы. Так же пристроило, как и до войны, студии они о способностях юношей и девушек, так же высокие были требования. И это понятно. Студии должна была дать народному искусству действительно способных, талантливых людей.

Первый же выпуск студии доказал, как безошибочен был отбор. В прошлом году 14 комсомольцев-актёров начали свою самостоятельную жизнь на сцене МХАТ. Вышший секретарь комсомольского бюро студии Елена Хромова, комсомолки Владимир Трошин, Валдис Давыдов, Клементина Растворцева с успехом добивались в больших ролях классической и современного репертуара.

Комсомольцы студии жили одной, общей жизнью с молодёжью страны. Каждое воскресенье наша студия выезжала на полевые работы в Пестово, на канал Москва—Волга. Кончилась война, и перед комсомольцами столицы встала новая задача — благоустройство родной Москвы. И здесь работала молодёжь студии на своём участке, в Свердловском районе.

Все эти годы мы учились мастерству актёра. У нас замечательные учителя. Очень часто на

студию посещали народные артисты Хмелья, Москуны, Качалов, Тарханов. Василий Иванович Качалов любил не только показывать сам, но и слушать нас, студентов. А как помнил он каждого из нас! На одном из занятий, после чтения отрывков, Качалов отглагол собраний:

«А теперь вот мы, Трошин, прочтите «Трошки», я помню, вы бы читали на приёмных испытаниях!»

Нет больших президентов для студии, чем те люди, к нам приходят народные артисты Киннер-Чехова и Гаруса. Случая их, наблюдая их игру, мы узнаём великому мастерству театрального искусства.

Трудны, благородны задачи студии. Мы должны стать актёрами, воспитанными высокими моральными качествами. Сколько вопросов, бесед, разговоров возникало у нас о том, о чём мы должны будем говорить с нашим зрителем, — о любви к Родине, о дружбе, о верности.

Так росла необходимость проведения общественной конференции-диспута «Моральный облик советского молодого человека». О молодёжи в бою рассказывал комсомолец, член бюро, студент Николай Добровилов. Студент постановочного факультета Виктор Завятов был в Корее. О своих встречах с корейскими студентами, беседах с ними он рассказывал товарищам в студии. Материалом конференции-диспута был посвящён специальный номер нашей газеты «Студент».

Историческое постановление ЦК ВКП(б) о репертуаре театров глубоко вдохновило нас. На специальном комсомольском собрании студии мы долго и горячо говорили о нём. Ещё больше, ещё глубже задумались мы о задачах советского театра, о поётом и трудном пути, который лежит перед нами.

Мы счастливы и горды тем, что учимся в одной из лучших театральных студий страны. Большое доверие налагает на нас большие обязанности. За годы учёбы мы должны стать воспитанниками лучших традиций Московского Художественного театра имени Горького, наследниками тех замечательных людей искусства, которые играли и играют на его сцене. Нам отдают они свои искания, волнения, свою любовь к народу. И каждый из нас готов посвятить всю свою жизнь социалистическому театру, великой цели воспитания советских людей.

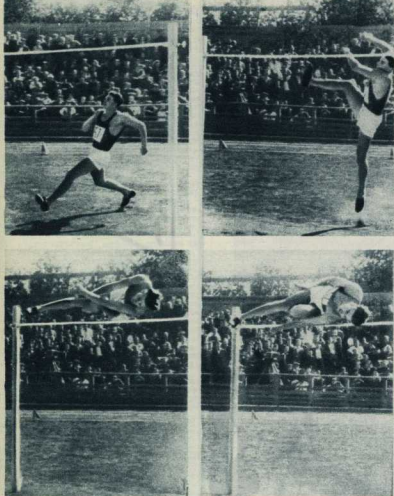
Владимир БОГОМОЛОВ,
секретарь комитета комсомола студии

Михаил ДАВЫДОВ,
член бюро комитета комсомола студии

Фото А. Горшгейна

Занятия в школе-студии имени В. И. Немровичем-Данченко. Урок ведёт доцент Г. А. Герасимов.

Так был установлен новый рекорд в прыжках в высоту (1 метр 96 сантиметром) Ю.Ильясовым.

В сентябре 1964 года на зерноковском стадионе «Динамо» состоялось всесоюзное соревнование легкоатлетов. В отличие от обычных лет первенство оспаривали не сборные ковки харьков и республика, а сборные коллективов профсоюзов, «Динамо», «Спартак». На старт вышли также спортсмены «Югуртадских Сыз и «Грудных резервов». Здесь были все сильнейшие легкоатлеты страны. Можайск соревновался с прославленными мастерами. Юных спортсменов не считали титулы чемпионов. Они дарю или в бой, уверенно ставившие в шеренгу самых лучших, самых сильных...

ПЛАНКУ ПОДНИМАЮТ ВЫШЕ

Планку поднимали всё выше, и чем дальше от земли оказывалась ребристая рейка, тем меньше участников проходило соревнование. Высоту 1 метр 93 сантиметра сумели преодолеть только двое: Киевский Василий Сидоров и киевлянин Юрий Ильясов — двое из тринадцати, вступивших в борьбу за звание чемпиона Советского Союза по прыжкам в высоту.

Тут нужно отговориться. 1 метр 93 сантиметра взял только Сидоров, Ильясов, к неслыханному удивлению зрителей, спортсменов и судей, заявил, что пропускает высоту 1 метр 93 сантиметра.

Что это? Чрезвычайная самодеятельность или же действительно большая уверенность в своих силах? Ведь если сложную высоту Ильясов не возьмёт, Сидоров станет чемпионом СССР.

Планку поднимает выше. 1 метр 94 сантиметра. Третьим, способным соревнований участником, судьи, фотографы, затаив дыхание, ждут прыжка Ильясова.

Совсем стабильный разбег. Сильный толчок. Лёгкой ногой — и Ильясов, словно его кто-то подбросил вверх, взлетает над планкой и стремительно падает в яму с разбросанным песком.

Восторженный влдох проносится по стадиону. Гром аплодисментов. Фотолюбитель, ближе всех стоявший к стоем, так уверенно, что не успевая снять Ильясова в прыжке, Сидоров не сумел взять 1 метра

93 сантиметра. Планку поднимает выше на 3 сантиметра. Высота — 1 метр 96 сантиметра, но 1 сантиметр выше рекорда, установленного двенадцать лет назад известным Аванесовым. Первая попытка Ильясова оказалась неудачной. Зато вторая закончилась победой.

Комсомолец Юрий Ильясов — новое имя в летнем спортивном сезоне. Выше его не мог загоревший зимой 1964 года. Из Ленинграда сообщают, что молодой прыгун на соревнованиях в закрытом зале взял 1 метр 93 сантиметра, затем он прыгнул ещё 5 сантиметров и в прыжке выскочил на 1 метр 96 сантиметра. Ильясов проделал тренировку и в сентябре стал чемпионом страны.

Слухатели Военного института Физкультуры Ильясово вспоминали 27 года. Он родился и вырос в Саратов. На окрестности средней школы Ильясов был призван в Военно-Морской Флот. После войны его перевели в Кронштадт. Отсюда Ильясов, старшину первой статьи, направил в Военный институт.

Ещё школьником Ильясов увлекался гимнастикой. Этот вид спорта занимался охотно. Юрий принимал участие в вечерах самодеятельности. Проявлял в высоту начал заниматься в 1946 году в зимнем зале Института Физкультуры имени Лесгафта.

И тренировался много — рассказывает Ю. Ильясов, — даже слишком много. Очень уставал, но продолжал тренироваться, не отпуская ни на шаг от принятых программ.

Он добился своего: комсомолец Ю.Ильясов стал первым среди лучших легкоатлетов — прыгунов.

НИЗКИЕ И ВЫСОКИЕ БАРЬЕРЫ

Барьерный бег — сложнейший вид легкой атлетики. Здесь всё построено на ритме. Безошибочно четкие должны быть движения.

Когда ученик таджикской средней школы № 28 Сергей Попов впервые увидел соревнования барьеристов, у него возникло желание попробовать так же быстро пробраться по гладкой дорожке, на которой стояли барьеры. До этого Попов был непримечательным участником школьных спартакиад, соревновался в беге на 100 метров и прыгал в длину.

Сергей Попов начал заниматься у Александра Александровича Козарей. Высокий, сухощавый юноша оказался способным учеником. Он быстро усвоил технику барьерного бега. Правда, брал он низкие барьеры. Ему нужна была скорость, скорость и скорость.

В 1946 году Попов в составе сборной команды Узбекистана едет на всесоюзные соревнования в Днепропетровск. Это было первое выступление его на больших соревнованиях. Сергей очень волновался. Он плохо помнил, как взял старт и начал удивительный полёт над двумя барьерами. Через 15,1 секунды он финишировал, не сбав ни одного барьера. Попов взял первое место.

Возвратившись в Ташкент, юный спортсмен поступает в Медицинский институт. Много времени уходило на учёбу, общественную работу, комсомолец Сергей Попов не забывал о спорте. Ранней весной 1947 года он начал уверенно готовиться к сезону. Десятидвухметровой студенту предстояло выступать на всеобщих соревнованиях в Харьковское вместе со взрослыми.

В финальном беге на 110 метров с высокими барьерами Попов был лучшим. Но это была его победа. Он добился своего: свой результат, показанный раньше, когда проделывал низкие барьеры: время Попова — 15,1 секунды! 200 метров с барьерами он пробежал за 25,6 се-

кунды, занял третье место. Он стал одним из лучших барьеристов страны.

Фото В. Фёдорова

ВСТРЕЧА НА СТАДИОНЕ

Двадцатипятилетний Борис Бутенок заставил говорить о себе в нынешнем сезоне. Он отличился в метании диска.

Что же такой Бутенок? Вот что он нам рассказал о своём спортивном пути:

— Я родился в Днепропетровске. В детстве я часто болел, рос хилым и слабым. С завистью смотрел на своих сверстников, занимавшихся спортом. И долго не решался пойти в зал Дворца культуры металлургов. Но стремление стать сильным, крепким было велико. Как-то я зашёл в спортзал, увидел группу ребят, занимающихся метанием диска. Я обратил внимание на мой рост и предположил играть в бросебейсбол за детскую команду. Я был счастлив. Но дворе дома соорудил турник, занимался гимнастикой. След нормы на значок «ГТО». Чувствовал, как становился всё сильнее и сильнее. Через год я и не чьём не уступил школьным товарищам.

После окончания школы твердо решил стать тренером. Отправился в Москву. Меня пригласил в Институт Физкультуры имени Сталына. Когда разрядился воля, ушёл в армию. Научился. Свой поход закончил в Карпатах. Возвратился в Москву. Продолжал учиться. Был студентом студенчества.

Заслуженный мастер спорта Дмитрий Петрович Марков истинно советская звезда в диске. Начал у него тренироваться. И нынешний год памятный в моей жизни. Я окончил институт. Остался преподавателем в институте. В нынешнем же сезоне был третьим в метании диска во время всеобщих соревнований в Харькове. Мой лучший бросок равен 45 метрам 11 сантиметрам.

В заключение, — говорит В. Бутенок, — хочется отметить, что замечательные первые два места известные дискболеры Алё Мещин и Леонид Митропольский во время войны находились со мной в одном партизанском подразделении, при этом не встретился на стадионе со старыми боевыми товарищами.

АМЕРИКАНЦЫ ОБ АМЕРИКЕ

Кориктюра из газет:
«Питтс уорлд» (Сан-Франциско),
«Дейли уоркер» (Нью-Йорк).

СМЕНА
В номере:

Николай Асеев — Выстрел с «Авроры».
З. Докторов — Красные вымпелы.
К. Непомнящий — В ЦК пришла телеграмма...
Марк Лисенский — Утро Н. Шундики — Гибель каменного человека.

ГРАБЕЖ

Александр Межиров — У карты Родины.
Девушка из Иванова — фотоочерк.
И. Тельман — Щорсовцы.
Ник. Москвин — Дальняя дорога.
А. Тарасова — Страницы из воспоминаний.
В. Богомолов, М. Давыдов — Школа молодых.
Е. Исеев — Новые имена.
Американцы об Америке.

На первой странице обложки:
«План перволюбовна» — рисунок В. Иванова.

На четвёртой странице обложки:
песня «Слава тебе, Комсомоль!»
Слова В. Малыгина, музыка Б. Дунаевского.

Оформление номера художника В. Урина.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ ПРИБЛИЖАЕТСЯ!

СЕНЬ

ВЕЛИКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК

13 Везде являю на карте говорят о том, что в этот район не ступала нога исследователя. Еще недавно — что лет тому назад огромные территории, по своим размерам превышающие Европу, оставались совершенно неизвестными. За исследованием узкой прибрежной полосы и достоянием ряда сильными бедами пилинами были еще Африка, запад Северной Америки, Австралия, Гренландия. Совершенно неизвестной была и Центральная Азия. Почетная грамота в честь части земного шара выдана на долю замечательного русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского.

Наш советский учёный, председатель Всесоюзного географического общества, академик Л. С. Берг в своей книге очерков по истории русских географических открытий писал: «Есть два типа путешественников — романтики и классики... Пржевальский может служить типом путешественника-классика».

Классиком путешественника должен обладать такой путешественник, открывающий новых земель и народов. Сам Николай Михайлович Пржевальский подчеркивал, что тем, кто торопит к добру, открытию, помимо хорошей научной подготовки, необходимы также личные качества: крепкие мускулы и ещё лучше атлетическое сложение, и ещё столько же с другой стороны — выдержка, энергия и решимость. Всеми качествами Николай Михайлович был одарен щедро.

С 1867 года по 1884 год Н. М. Пржевальский организовал и возглавлял большие экспедиции. В общей сложности они в путешествиях про-

Памятник Н. М. Пржевальскому в г. Пржевальске (Киргизская ССР).

шли одиннадцать лет, 23 282 километра пути было пройдено им.

В области географических исследований Николай Михайлович Пржевальский, как и много раньше один из его современников, «проработал десятилетия».

По возвращении на каждой своей экспедиции (а их великий учёный проводил 15) Николай Михайлович несомненно все тщательно изучал и обработал своих открытия и наблюдения. В результате такой кропотливой работы на свет появились замечательно интересные книги, в которых высокая точность и документальность сочетаются с захватывающим живым и увлекательным изложением.

В 1878 году 18-и М. Пржевальский выехал из своего имени «Отрядное» в новую экспедицию в Центральную Азию, путь по сей день называемый в честь этого города Кыркылао (он неосторожно назвал в честь незнакомой водопадной воды из незнакомой водопадной Кругом спиритизированной брошенной). Им и зарезан Николай Михайлович. После десятилетия борьбы с болезнью 1 ноября 1884 года, в возрасте 47 лет ушел в мир иной. М. Пржевальский умер. Согласно завещанию, он был похоронен в долине Иссык-Куля. В долине Иссык-Куля от города, носившего его имя. Советский народ гордится своим славы соотечественником, чуждо и честолюбиво жившим родной страной и нации.

РОДОНАЧАЛЬНИК НОВОЙ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

10 Испытавше 118 лет со дня смерти Ивана Гончарова украинского писателя, выдвинутого украинцами называют «отцом новой украинской литературы», Вытвенного и архаичную «языку «языки людей» ХVIII века, переутраченную традиционной народной украинской языке.

Гончаров не только в детстве и ранней юности, но и в зрелом возрасте вступил в самостоятельную жизнь. Он служил учителем в домах Богатых помещиков, был чиновником в канцелярии; он находился в плену в турецком плену, благодаря храбрости, проявленной в сражении против турок, достиг звания капитана. Рано приобрел огромный жизненный опыт, близко сошелся с народом, Гончаровский прожил чувством сострадания к его тяжелой доле. Не возманился до революционных идей борьбы с крепостным правом, но следствием так ненавистно выраженных в творчестве Гаярса Шевченка Гончаровский резко осудил помещичью власть и господство, проявившиеся — «Знидеж», в сиее сочувствии знен в ад», — помещикам среди грешников помещиков, которые «злым злом» не дали ступить на путь служебный, где бытовало и в то время, где бытовало и в то время.

«Знидеж» Гончаровского — сатирическая поэма. Её фабула заимствована из «Знидеж» Бертели. Но у Гончаровского, поэта-сатирика, благодаря тому, что он был человеком, обладающим широким кругом знаний и тонким чувством юмора, в поэме много нового и оригинального.

«Знидеж» Гончаровского — блестящий образец сатирического изображения в творчестве Гаярса Шевченка украинской гетманщины. Эту поему Гончаровский написал в 1797 году. Популярность поэмы была так огромна, что первые её три части были изданы ещё в 1797 году. Имя автора — по рукописным спискам. Только в 1893 году Гончаров-

И. П. Котляревский.

ский издал четыре части поэмы. А полностью это шест частей этого произведения было опубликовано в Харьковском издании 1814 года только после смерти автора. С тех пор появилось множество изданий «Знидеж», последнее из них — уже после Великой Отечественной войны. О самой поэме существует огромная критическая литература.

«Знидеж» Гончаровского очень своеобразен по своей словесной интонации, достаточно сказать, что оно вышло к жизни в форме литературного движения, известное на Украине как «инженерско-инженерская» — десятилетия «Знидеж» подражали и использовали в различных формах поэмы самым различным направлениям.

Котляревский известен также как замечательный драматург. Его «Яблони» и «Свадьба» — наиболее популярные виды классического репертуара украинского театра.

Чешская молодежь на Международном фестивале в Праге.

ВСЕМИРНЫЙ ДЕНЬ МОЛОДЕЖИ

10 Вот уже в третий раз юности и девушки всех стран отмечают Всемирный день молодежи. Установленный в ознаменование создания Всемирной Федерации демократической молодежи, этот день стал любимым праздником всей передовой молодежи земного шара.

В календарных листах дата 12 ноября отмечается черной краской, и миллионы молодых людей с утра, как всегда, повсюду на заводах, в учреждениях, в школах. Но когда прогудят заводские гудки, раздадутся сигналы к собраниям и митингам, шумными колоннами выйдут на городских улицы и площади, в парках, бульварах и клубы...

Всемирный день молодежи — это день международной солидарности, день мобилизации и сплочения боевых сил, мощная демонстрация юного единства, верности и преданности делу борьбы за демократию, за социализм.

В разных концах света по-разному проводят молодежь всей Всемирной день. В СССР, а также в странах народной демократии он носит исключительно праздничный характер, яркий и радостный. В странах так называемой «капиталистической демократии», заступивших ветлей американской «демократии», методы демонстрации, окруживших политических коридоров, поднимают гневный голос протеста против империалистических разрывов на политические и экономические права молодежи, против угрозы мировой войны. Есть и такие страны, где молодежь приходится собираться тайно, из конспиративных квартир, под охраной специально выставленных пикетов... Но везде и всюду в этот день будут звучать страстные призывы к молодежи объединиться, все теснее сплотиться в единый фронт. Всемирная Федерация демократической молодежи, ставшая результатом борьбы за мир и демократию, за права и лучшее будущее молодежи, против поджигания войны, будет выступать в поддержку и усиление объединительных усилий молодежи.

Создание и укрепление объединительных усилий молодежи вызвало яростные атаки реакции. На Федерацию ополчились все силы империализма — от правительственного аппарата до военных шпионов, от реакционных буржуазных правительств, вплоть до провокации и убийств как за-границей. В странах Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока как прогрессивные молодежные организации объявляли бойкоты. В Калкутте набики империализма зверски убили руководителей Федерации. В Советском Союзе Федерация демократической молодежи подвергается полицейским гонениям.

ли, лидеры национальной организации молодежи брошены в тюрьмы. В застенках фашистских диктаторов Франко и Салазара томится шестнадцать тысяч испанской молодежи. Но укажем, что юные англо-американские козлы идут? сеть интриг, пытались возвать Федерацию изнутри, право-социалистические раскольники в США и Великобритании, в Англии. Революционная печать обливает предельные молодежные силы Европы потоками грязи и клеветы...

Но вопреки промискам реакции Всемирная Федерация демократической молодежи растет и крепнет день ото дня. Только за один последний год в ряды Федерации вошло 27 новых членов, объединивших свыше полтора миллиона человек. В настоящее время в Федерации состоит более 60 миллионов человек, представляющих 120 государств мира.

На протяжении последнего года Всемирная Федерация провела несколько крупнейших массовых мероприятий, в том числе так называемая конференция молодежи стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки и недавняя международная конференция рабочей молодежи в Марселе. Кроме того, было проведено 45 миллионов трудящихся молодежи из 46 стран. Каждый молодой и молодой выдвигает на сравнении с этой мощной демократической международной единства попытка расколоть и создать в противовес ей «ассамблею» в Лондоне. Известно, что этот «строительный» маневр предельно закончен, и «ассамблея» провалилась.

С большим успехом проходит объявленная Федерацией кампания помощи борющейся молодежи Ислами, Греции, Китая, Вьетнама, Индонезии, Малайи.

Всемирная Федерация выросла в серьезную международную силу, с которой не могут не считаться правящие круги. Нет сомнения, что, во имя того, как Федерация будет бороться за мир, она будет все теснее связываться с массами демократической молодежи, инициативы борьбы демократии за мир и лучшее будущее будут непрерывно расти. Советская молодежь принимает в работу Федерацию самое деятельное участие. Для миллионов молодых людей во всей мире жизнь и работа неразрывно связаны с деятельностью Ленинского-Сталинского Комсомола. Советская молодежь не только служит неослабевающим источником сил в борьбе и привнесении идейного служения своему народу, родной, прогрессивной человечеству.

